

Искорка

12

ЛЕНИЗДАТ ★ 1957

Здравствуй, Новый год!

Слова Сергея Погореловского

Музыка Виктора Витлина

1. В ЛЕНИНГРАДЕ, НА КАВКАЗЕ, НА ДОНУ, НА ДОНУ ВСЕ РЕБЯТА РАСПЕВАЮТ ПЕСЕНКУ ОДНУ:

Припев:

«ЗДРАВСТВУЙ, НАША ЁЛКА! ЗДРАВСТВУЙ, НОВЫЙ ГОД! КАЖДЫЙ ПУСТЬ У ЁЛКИ СПЛЯШЕТ И СПОЁТ.

СПЛЯШЕТ И СПОЁТ»

1.

В Ленинграде, на Кавказе,
На Дону, на Дону
Все ребята распевают
Песенку одну.

Припев:

Здравствуй, наша ёлка!
Здравствуй, Новый год!
Каждый пусть у ёлки
Песенку споёт!

2.

Соберём и мы у ёлки
Всех друзей, всех друзей.
Нам на празднике с друзьями
Будет веселей.

Припев:

3.

Всюду, всюду — от Камчатки
До Карпат, до Карпат —
Звёзды красные на ёлках
Радостно горят.

Припев.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома
и Горкома ВЛКСМ

П. Кобраков

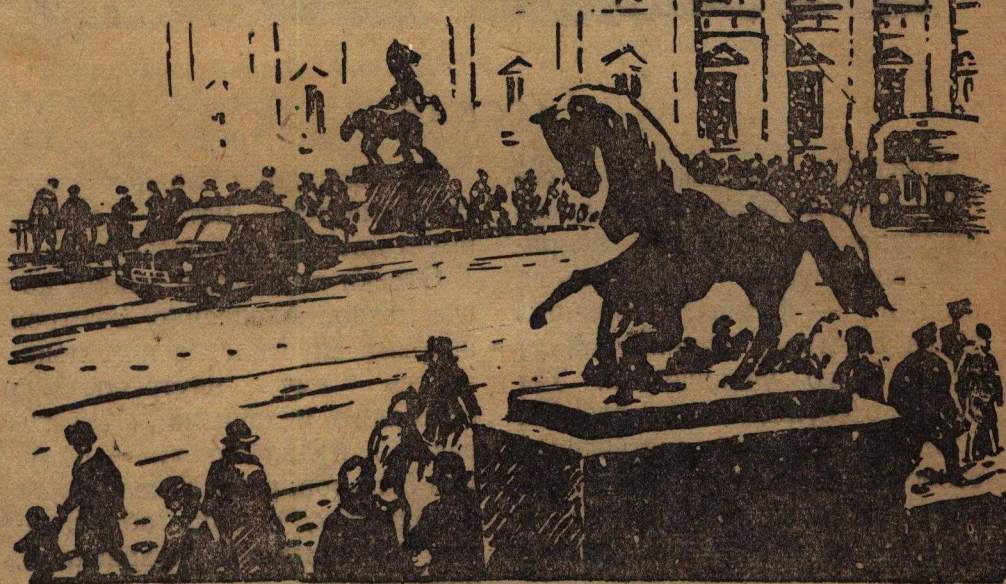
ПЕРВЫЙ СНЕГ

*Проснулся и глазам не верю,
Как изменилось всё вокруг:
На подоконниках и в сквере
Рассыпан белый-белый пух.*

*Не зря вчера колючий холод,
Как опытный мастеровой,
Всю ночь стеклил и красил город,
Бродя по гулкой мостовой.*

*Теперь простор наполнен блеском,
И любо, что ни говори,
Мне видеть на кипучем Невском
В лохматых шапках фонари.*

Рис. А. Ушина

РАССКАЗЫ Вадима Николаевича Инфантьева посвящены морю. Их автор и сам моряк, а потому пишет о том, что лучше всего знает и любит больше всего.

Писать Вадим Николаевич начал давно. Ещё в 1938—1939 гг. в газетах Советской Удмуртии печатались стихи школьника Инфантьева. Рассказы появились позже, когда их автор прошёл уже сложный жизненный путь. Наблюдения, накопленные в годы Великой Отечественной войны и в дни мирных буден, позволили В. Н. Инфантьеву написать ряд интересных рассказов.

В этом номере «Искорки» напечатаны два из них.

В. Инфантьев

Рисунки В. Кустова

РАССКАЗ

«**УЗКОМУ** специалисту совсем не обязательно иметь широкие знания. Зачем, например, ветеринару — астрономия, а повару — физика?» — решил Саша Быстров, окончив школу кулинарного ученичества. Так же он рассуждал, пока работал младшим поваром диетической столовой. Но вот пришло время идти на военную службу, и Быстров из повара превратился в кока.

На подводных лодках узких специалистов нет. Каждый имеет две-три специальности.

Отсеки подводной лодки, когда матрос Александр Быстров впервые спустился в них, показались ему внутренностью огромного механизма. «Как таракан в будильнике», — подумал Быстров, разглядывая борта и подволок, сплошь облепленные механизмами, маховиками, приборами.

Свой боевой пост — электрокамбуз, сияющий никелем и эмалью, Быстров освоил довольно быстро. Однако если возникала неисправность, приходилось вызывать электрика. Кроме того, по боевому расписанию кок должен быть санитаром и выполнять ещё ряд обязанностей в отсеке, где находился камбуз.

Экзамен по устройству корабля пришлось сдавать инженер-механику в три захода. Фельдшер, которому кок подчинялся по службе и который был ещё интендантом корабля, пригрозил сурово наказать Быстрова, если тот завалит экзамен.

Но поскольку Быстров был узким специалистом, готовил он хорошо, и команда его за это уважала. Правда, и тут надо было быть осторожным. Например, нельзя было забывать, что, прежде чем выбросить за борт консервные банки, нужно пробивать ножом доньшки, чтобы они утонули и не выдали подводной лодки.

Так или иначе пришлось Быстрову испытывать неприятные столкновения с техникой, а с физикой вообще произошёл случай, запомнившийся на всю жизнь.

На рассвете подводная лодка ушла на глубину, в тёмные холодные слои воды. В отсеках стало прохладней, на непокрытых пробкой участках корпуса крупными каплями оседала влага и блестящими струйками скатывалась вниз. Когда стрелки часов подошли к двенадцати, а где-то над непроницаемой толщей воды засияло ослепитель-

ное солнце полдня, из четвёртого отсека по переговорным трубам потянулся запах свежих, добротнo сваренных щей.

Уже нетерпеливые, шёпотом, чтобы не слышал центральный пост, по переговорным трубам спрашивали, что будет на закуску и скоро ли обед, как вдруг по трансляции объявили, что обед задерживается: лодка входит в район торпедной атаки.

Через полчаса оглушительно зазвенели звонки, всё зашумело, завертелось, напряглось. Подводная лодка, дрожа всем корпусом, то стремительно неслась в пятидесятиметровой глубине, то, еле вращая винтами, бесшумно поднималась к пронизанной солнцем поверхности моря, и тогда по волнам пробегали еле заметные бурунчики от поднятого перископа.

Потом все ощутили сильные толчки, в уши больно надавило, душный ветер загудел в переговорных трубах. Щи почему-то перестали кипеть, и кок увеличил нагрев плиты.

Наконец трансляция объявила, что учебная задача выполнена отлично, торпеды прошли под целью, командир благодарит за стрельбу.

Затем раздалась команда: «По местам стоять, к всплытию!» Зашипело, забулькало за бортом. Глухо хлопнули кингстоны балластных цистерн. В переговорной трубе раздался голос фельдшера:

— Передайте коку, чтобы камбуз выключил и щи снял, давление в лодке повышенное, сейчас люк откроют.

«Причём тут давление и люк? — подумал кок. — Какое это имеет отношение к щам?»

Командир подводной лодки начал вращать маховик верхнего рубочного люка. Зашипел выходящий из лодки воздух. Как

иглами, кольнуло в уши, и все в отсеках, как по команде, зевнули.

И тут произошёл взрыв. Крышка супового бака со звонким ударом в подволоку, белый столб пара вырвался вверх, ста-

ло душно, как в парной. Когда испуганный инженер-механик вбежал в отсек, в горячем тумане красными червяками светились волоски электроламп. Кто-то корчился в углу, кто-то бесвязно выкрикивал. Что-то студенистое ползло по переборке, какие-то зеленоватые лохмотья обрывались с подволока и шлёпались на палубу. И всё было залеплено ярко-красными пятнами. Такие же пятна были и на лице и на белом фартуке кока.

Споткнувшись о крышку супового бака, механик рассмеялся, поняв, что лохмотья — это разварившиеся капуста и мясо, красные пятна — кружочки моркови, а люди, что корчатся по углам, просто не могут удержаться на ногах от хохота.

Кок стоял над пустым суповым баком. В баке сиротливо краснела морковка, одна-одинёшенька, чудом прилепившаяся к сияющему полудой днищу. И показалось вдруг коку, что у морковки есть глаза и она хитро подмигнула ему, высунув остренький аленький язычок. Кок медленно провёл рукой по лбу и горестно вздохнул, поняв пока только одно: команда осталась без обеда. Какой там обед без первого!

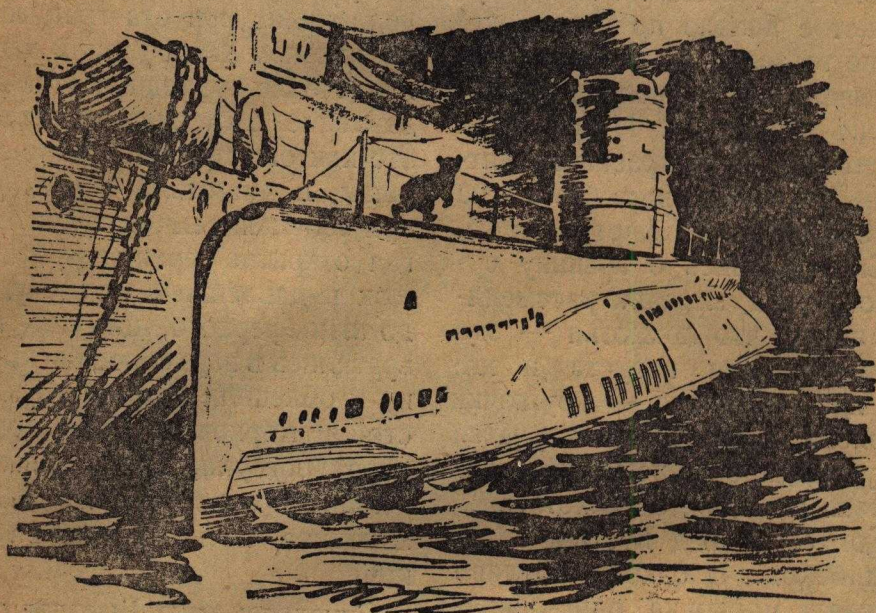
Через десять минут Быстрова вызвали на мостик. Поднявшись наверх, он зажмурился от яркого света, задохнулся от свежего, влажного ветра. Все, кто стоял на мостике, отвернулись и ссутулились. Командир, вздра-

гивая и вытирая глаза, свирепо посмотрел на сигнальщика, приснувшего в кулак, и начал отчитывать кока за то, что он, молодой парень, недавно окончил школу и уже забыл, чему его учили по физике, забыл, что вода кипит при ста градусах и нормальном атмосферном давлении. После торпедной стрельбы давление в отсеках поднялось, это кок ощутил по собственным ушам, и щи стали кипеть уже при большей температуре. А когда открыли верхний рубочный люк и давление в лодке упало до атмосферного, щи сразу превратились в пар, сбросили крышку и облепили пол-отсека капустой и морковью. Губы командира дрогнули, он приказал за полчаса приготовить что-нибудь холодное из консервов вместо щей.

Спускаясь вниз, Быстров слышал, как на мостике грянул хохот. Смеялись не только на мостике; в первом отсеке, сидя на торпедах, хохотали торпедисты. Давились от смеха мотористы, готовя дизеля к пуску; прижавшись лицом к станции, тонко-тонко смеялся акустик.

Гудел вентилятор, вытягивая из отсеков запах щей. Двое матросов швабрами гнали по линолеуму волокна капусты. А на камбуз, рядом с пустым суповым баком, кто-то, может быть, и нечаянно, положил нетолстую коричневую книжку: Фалеев и Пёрышкин — «Физика».

Однажды на подводной лодке...

НА одном крейсере, говорят, жил медведь, и был он приучен становиться на левом фланге при всех построениях команды.

На подводных лодках зверей не бывает. Наверно, потому, что и люди поселяются там только на время походов.

Но на плавучей базе подводных лодок — большом сером корабле — жил медвежонок. Спал в отведённом месте, ел в кубрике с командой, пил воду из матросского умывальника.

Встанет на задние лапы, передней поднимает стерженёк и ловит ртом струю воды.

Кто-то назвал его Гришкой.

Гришка любил бороться и признавал только классическую

борьбу. Когда матрос Вьюнков свалил его неожиданной подножкой, Гришка ужасно обиделся, зарычал и, если бы нарушитель правил борьбы не отскочил вовремя, наверняка пустил бы в ход зубы.

С тех пор борющиеся строго выполняли правила классической борьбы.

Когда на рейде раздавался пронзительный визг сирены возвращающейся с моря подводной лодки, Гришка сломя голову бежал на верхнюю палубу и там ждал, пока длинное серое тело лодки не коснётся борта плавбазы. Не ожидая, пока подадут трап, медвежонок прыгал на мостик лодки и исчезал в люке.

Ловко, лязгая когтями по полированной стали, опускался вниз, в центральный пост. Его встречали криками, как старого закадычного знакомого:

— Привет, Гришук!

Но Гришка не обращал на это внимания. У него были свои дела. Он спешил на камбуз. Там всегда можно было получить что-нибудь вкусное.

И потому как он безошибочно находил камбуз, матросы острели, что Гришка большой специалист по подводным лодкам.

Даже инженер-механики, принимая экзамен у матросов по устройству корабля, порой едко замечали: «Ну, это даже Гришка знает. Недельку срока, и будете сдавать снова».

Выгнать Гришку можно было лишь с помощью сжатого воздуха. Гришка безумно боялся длинной чёрной змеи — шланга, из которого с шипением и сви-

стом вылетало что-то невидимое, било в бока и трепало шерсть. Медвежонок с визгом вылетал на мостик и, только очутившись на палубе базы, отряхивался и брёл с таким видом, как будто с ним никогда ничего не случилось.

Однажды на ужин была солёная рыба. Видно, кок поленился и плохо её вымочил. Гришке рыбы досталось вдоволь. А трюмный, как назло, перекрыл воду в умывальнике, что-то ремонтируя.

Пустая оцинкованная труба умывальника стонала и гудела под ударами Гришкиных лап. Когда жажда стала невыносимой, Гришка нервно забегал по палубам, и, наконец, в офицерском коридоре его обострённый слух уловил падение капель.

В каюте никого не было. На спинке стула висели отутюженные брюки, тужурка и свежее бельё. Гришка бросился к раковине умывальника, привычно ударил по крану снизу вверх. Кран задрожал, одинокая капля сорвалась вниз.

Гришка чувствовал, что вода есть, и в отчаянии, не обращая внимания на боль, начал бить по крану.

С каждым ударом кран всё больше и больше задибался кверху, потом со скрежетом оторвался и грохнулся в раковину. Вырвалась струя воды, ударила в стенку шкафа, загудев, как контрабас. Брызги заполнили тесное помещение.

Едва Гришка разинул пасть, как она оказалась наполненной холодной пресной водой. Он отфыркнулся, отряхнулся и опять полез под струю. А потом, поняв, что натворил неладное, выскочил из каюты и, оставляя на линолеуме мокрые следы, потащил своё отяжелевшее тело прочь.

В конце коридора снова отряхнулся и обрызгал показавшегося в дверях штурмана плавбазы, на котором, кроме полотенца, обёрнутого вокруг бёдер, ничего не было. От розового тела его шёл пар, и холодные брызги заставили штурмана вздрогнуть. А через полминуты из каюты раздался крик:

— Дежурного трюмного! Срочно!

Когда, звеня ключами, прибежал трюмный, штурман, выкрикивая проклятия, широко размахивая тяжёлым мраморным пресс-папье, забивал в повреждённую трубу толстую канцелярскую ручку, обёрнутую шёлковым носком.

Гришка метался по трапам и коридорам, слыша за собой грохот ботинок трюмного и шлёпанье сандалий штурмана. Потом штурман остановился, махнул рукой и крикнул трюмному:

— Семенюк, бросьте! Чёрт с ним, с медведем. Я ж сам оставил каюту открытой. Почините лучше кран.

Гришка тем временем выскочил на верхнюю палубу. Она была мокрой после недавней приборки. Народ весь был где-то внизу. Гришка увидел стоящую у борта подводную лодку, прыгнул на её мостик и скрылся в ограждении боевой рубки.

Было уже темно. Из открытого рубочного люка струился вверх жёлтый электрический свет.

Гришка заглянул в люк. Мелькнула согнутая спина матроса: вахтенный центрального поста пошёл проверять носовые отсеки. Гришка быстро спустился вниз и пробрался в отсек, где находился камбуз.

Стоял полумрак. Одиноко горела лампочка в углу. С койки доносилось сопение и торчали ноги в рабочих ботинках.

Гришка поискал место поудобнее, но везде был холодный, противный металл. Медвежонок встал на задние лапы и

заглянул в лицо спящего. Тот открыл глаза, отпрянул и зажмурился. А когда снова открыл, то вокруг никого не было.

Матрос сел, оторопело осмотрелся и, сонно сопя, задумался, вобрав голову в плечи.

Вахтенный, осмотрев носовые отсеки, пошёл в корму и остановился возле койки.

— Ты чего поднялся? Тебе через полтора часа на вахту, спи.

Матрос ничего не ответил, огляделся ещё раз, что-то проворчал и повалился на койку, закрывшись одеялом с головой.

Гришка забился в угол под нижней койкой, возле фанерной, не доходящей до палубы переборки камбуза. Здесь приятней всего пахло, и он заснул, сладко посапывая.

Привычный к корабельной жизни, Гришка не проснулся от гула голосов, топота ног и лязга металла. Не проснулся и тогда, когда звенели звонки, трещали машинные телеграфы, тонко пели электродвигатели. Только голод заставил Гришку выглянуть из убежища.

В открытую дверь был виден дизельный отсек. Машины показались Гришке огромными многоглазыми зверями, возле них сидели мотористы и спокойно разговаривали. Вылезти Гришка боялся: ведь тогда может появиться чёрный свистящий шланг. Но голод не давал покоя, и Гришка было решился вылезти, как вдруг возле одного «зверя» в дизельном отсеке замигал красный свет, затрещал машинный телеграф. Матросы вскочили. Один навалился на маховик.

Огромный «зверь» дико зашипел, ухнул и загрохотал, трясаясь мелкой дрожью. В отсеке поднялся ветер, он взъерошил на Гришке шерсть, и медвежонок забился подальше в угол.

В это время с другого борта замигал зелёный свет, опять затрещало. Матросы пустили и левый дизель.

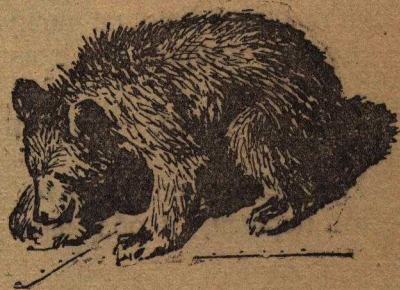
От гула заболели уши. Гришке казалось, что оба «зверя» смотрят на него своими круглыми глазами, в которых дрожат разноцветные стрелки.

Немного погодя, убедившись, что «звери» не думают трогаться с места, а матросы ходят возле них, осматривают и ощупывают, объясняясь между собой жестами, Гришка успокоился.

Часа через два, окончательно привыкнув, он высунул голову, обнюхал каблуки ботинок, появившихся перед ним. Один ботинок вдруг повернулся и ударил Гришку по носу. Гришка сжался, но ботинки никакой враждебности больше не проявляли.

Но как только Гришка начал выползать из своего убежища, над головой оглушительно закричал ревун.

«Звери» громко чихнули в отсек синим дымом и замолкли.

Матросы метались по отсеку, что-то поворачивая и включая. Где-то наверху захлопало, как выстрелы, засвистело, забулькала вода. Палуба наклонилась. Затем стало тихо-тихо. Из кормы донеслось отдалённое гудение гребных электродвигателей.

Лодка ушла под воду.

Койка над Гришкой заскрипела и прогнулась. Появилась ещё пара ботинок. Едкий дымок проник из дизельного отсека, защекотал в ноздрях. Гришка чихнул.

— Будь здоров, — сказал кто-то наверху.

— А я не чихал, — ответил другой.

— Ну, значит, ещё кто-то, — заметил первый, и оба замолчали.

Гришка просунул нос под переборку, рискуя его защемить. От камбуза веяло жаром, звенели ножи, пахло жареным. Гришке были видны надетые на босу ногу сандалии кока. Но вот кусок мяса шлёпнулся на палубу. Гришка ловко подцепил его когтем. Появилась рука кока, пошарила и исчезла.

— Что за чертовщина! Слышал, что кусок упал... Почудилось, видно, — пробормотал кок и снова застучал ножом.

Через час в отсек собрались матросы на обед. Пришёл боцман, сел на койку, она ещё больше прогнулась. Зазвенела посуда. Упала на палубу ложка.

— Официанта из тебя не выйдет, — проворчал боцман,

нагибаясь за ложкой. Пошарил и резко выпрямился.

— Лето началось! Безобразие! Почему не сдали полушубки на склад?

И, крикнув, боцман выволок Гришку за шкуру. Медвежонок завизжал и вцепился зубами в грубую, пахнущую машинным маслом руку.

Несколько секунд стояла тишина. И вот она нарушилась таким оглушительным хохотом, что в отсек прибежал помощник командира.

Боцман таращил глаза то на Гришку, то на раненую руку.

— Что за шум? — крикнул помощник.

Все расступились. Гришка сидел на палубе и недоверчиво оглядывался.

— Гришка? — удивился помощник. — Откуда ты взялся?

Он присел на корточки перед медвежонком, погладил его по голове.

— Кто привёл его?

Все переглянулись.

— А ну, вахтенных сюда!

Вахтенные пожимали плечами и ничего не могли сказать.

Помощник вскипел:

— Распустилась вахта. Чёрт

знает, что творится! На корабль медведи приходят, а она не замечает!

И ещё долго распекал безмолвно стоящих матросов. Потом приказал коку накормить гостя. Кок ответил:

— Есть накормить, но гость не из застенчивых, кажется, он у меня уже кусок мяса стянул.

Когда все пообедали и разошлись по своим местам, в отсеке остался боцман. Наевшийся до изнеможения Гришка лежал рядом, положив голову боцману на колени. Боцман, перебирая забинтованной рукой Гришкину шерсть, негромко рассуждал:

— Стыдно тебе, Григорий Косолапович! Не первый год на флоте служишь, а товарищам свинью подкладываешь. Хотя и хороший ты, а всё-таки — скотина.

Боцман пошлёпал Гришку по голове и спросил:

— Ты знаешь, на какой мы глубине сейчас?

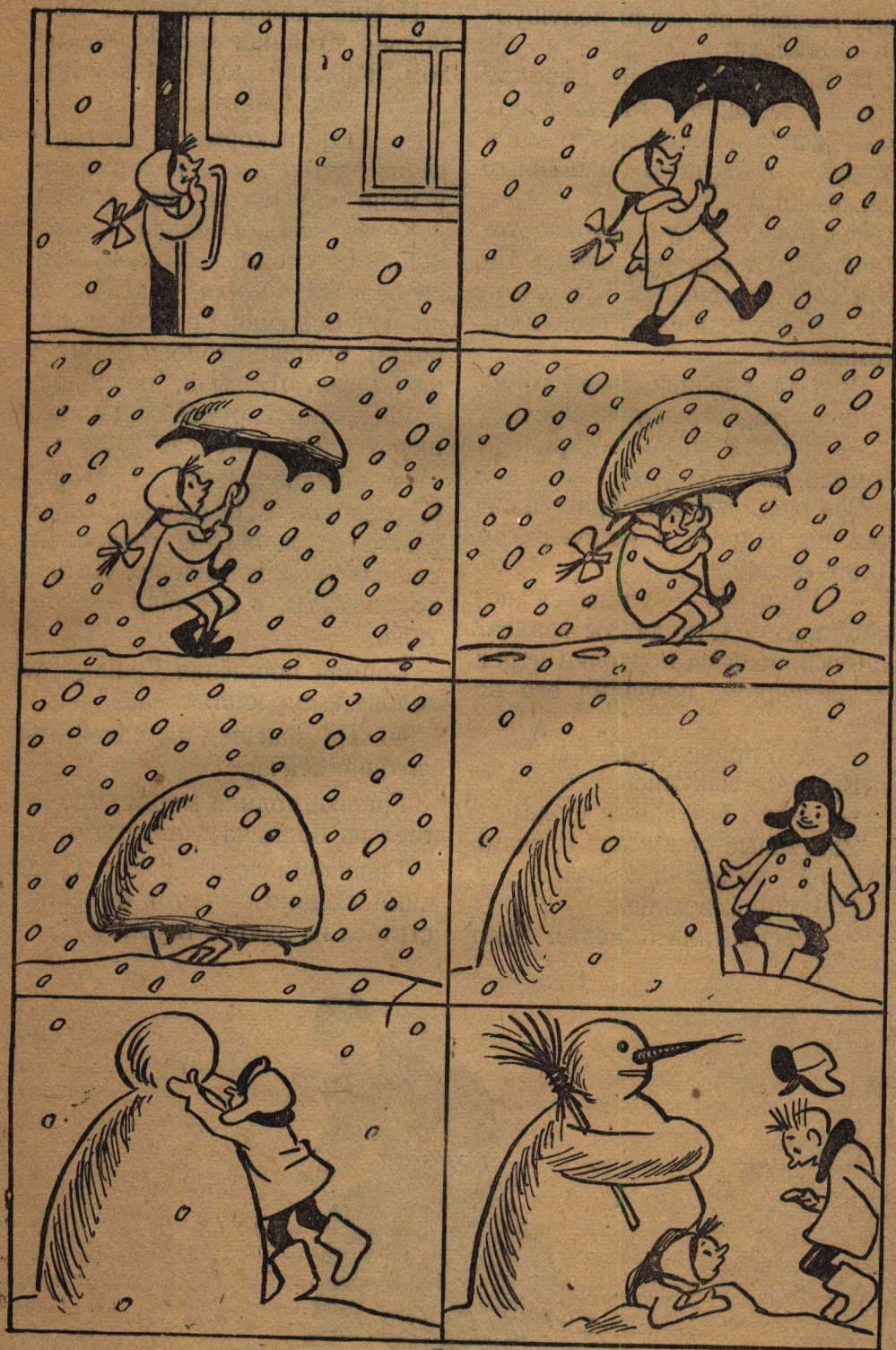
Гришка поднял морду, посмотрел на боцмана и лизнул руку.

Гришке было всё равно. С такими людьми он готов был опуститься на любую глубину.

МЕТЕЛЬ

(Рассказ в рисунках М. Бекташева)

Потомки Надежды Дуровой

ХОТЬ и небольшой город Сарапул, но, как и во всяком старинном городе, в нём существует краеведческий музей.

События, о которых пойдёт речь, начались именно тут, в музее, как только мы, проходя по его залам, увидели висевший на стене большой старинный, писанный маслом портрет в потускневшей вызолоченной раме.

На портрете был изображён молодой, румяный, чернобровый гусар в синем ментике с меховой опушкой и с саблей, на эфесе которой лежала нежная, женственная рука. На металлической пластинке, прикреплённой к портрету, стояло всего лишь два слова: «Надежда Дурова».

О Надежде Дуровой мы, конечно, знали и до прихода в этот музей. Славная русская девушка, отважная патриотка покинула когда-то семью, дом и, облачившись в гусарский мундир и назвав себя мужским именем, отправилась на поле брани защищать независимость и свободу России от полчищ Наполеона. Но почему портрет знаменитой партизанки, кавалерист-девицы, как её называют, помещён в Сарапульском музее — это было неясно.

Мы огляделись, и недоумение наше усилилось. Рядом с портретом на зелёном сукне закапанного воском столика возвышался потемневший бронзовый подсвечник с прислонённой к нему надписью на картонке: «Из личных вещей Надежды Дуровой. Руками не трогать».

Совершенно очевидно, что имя Дуровой имело какое-то отношение к Сарапулу. Но какое? Она родилась где-то на юге, в Херсоне. Восвала, как об этом говорилось в специальной справке, помещённой тут же, ниже портрета, при Гутштадте, при Фридланде, под Смоленском и Бородино. Похоронена в Елабуге.

Всё объяснила скромная фотография небольшого домика с мезонином, выходящего окнами на самое приметное место в Сарапуле — на так называемую Старцеву гору. Оказывается, в этом домике Дурова провела свою юность. Здесь, под этой крышей, вспоминая раннее детство, она писала страницы своего дневника: «Седло было моей первой колыбелью, лошадь, оружие и полковая музыка — первыми детскими игрушками». Отсюда, из этого домика, она бежала ночью. Оседлав своего любимого черкесского коня и выдав себя за сына местного помещика, явилась в расквартированный тогда возле Старцевой горы казачий отряд...

Мы приехали в Сарапул собирать материал для большого радиоэскиза, намеревались узнать и рассказать нашим слушателям, как живут, трудятся, к чему стремятся и о чём мечтают простые советские люди в одном из многочисленных маленьких городков нашей Родины. Исторические исследования никак не входили в наши намерения... Но тут, представьте себе, заговорил в нас этакий историографический бес... Мы подумали: если нашёлся один подсвечник, принадлежавший прославленной героине Отечественной войны 1812 года, то, может быть, найдётся здесь и хотя бы отрывок неизвестной рукописи, начертанной при мерцании свечи, горевшей в этом подсвечнике? Дурова, как известно, была не только партизанкой, но и писательницей. Её «записки» печатал в «Современнике» сам Пушкин. Пушкин переписывался с ней. Может быть, удастся отыскать неведомую ещё нашим современникам драгоценную строку какого-нибудь Пушкинского послания? Наконец, как знать, не

живут ли здесь и теперь потомки семьи Дуровых?

Директор музея посоветовал:

— Обратитесь к нашему местному Льву Толстому, к писателю Ивану Петровичу. Он сочинил уйму романов, живёт всю жизнь в Сарапуле, наверное, и этим вопросом интересовался.

В тот же день мы отправились к Ивану Петровичу. Нас встретил седовласый улыбающийся человек в потрёпанной шинели времён гражданской войны, надетой поверх нижней рубахи. Прикрывая оголённую грудь, он ещё в саду объяснил нам:

— Понимаете, работаю, пишу, роман пишу. О гражданской войне на Каме. Шинель помогает. Не могу без неё. Как надену, так будто в 1919 год переселюсь... Да вы не обращайтесь внимания, она у меня вместо халата...

Нам не терпелось рассказать Ивану Петровичу, зачем мы пришли. Он выслушал нас тут же, в саду, и, поразмыслив несколько, сказал так:

— Дело здесь, конечно, не в подсвечнике. И письма Пушкина тут

уже без вас искали. Всё обшарили. А вот потомки... — Иван Петрович хитро прищурился. — Потомки — это отличный журналистский приём. Кто такая Дурова? Русская патриотка, сражавшаяся за родину, за её честь, независимость. В этом смысле мы все потомки Надежды Дуровой. Вот, скажем, я. Пишу роман. А ведь это тоже своего рода сражение за интересы Родины. Хорошая выйдет книга — стало быть выиграно сражение... Вот вы и походите, поищите потомков, — не без лукавства сказал старый писатель. — Увидите людей, познакомьтесь с городом, а может быть, что-нибудь и вроде подсвечника подвернётся, — заключил Иван Петрович, запахивая шинель и провожая нас до калитки.

— Непременно держите меня в курсе ваших исследований. Это очень интересно! Я жду...

Так начались наши исследования. Мы пришли в милицию, в адресный стол, и спрашиваем:

— Дуровы в Сарапуле живут?

— Какие Дуровы? Фамилия, имя, отчество? — резонно спрашивает нас девушка в милицмейской форме.

Что мы могли ответить?

— Разные Дуровы, так, вообще...

Девушка нахмурилась:

— Как вообще? А вы кто такие, вообще?..

Пришлось объяснить, в чём дело. Тут пришёл ещё дежурный по отделению — щеголеватый младший лейтенант. С пристрастием проверил наши документы, одобрительно кивнул и, заметив, что фамилия Дуровы весьма распространённая в Сарапуле, сам принялся помогать девушке перебирать карточки с адресами.

— Ну вот, — не торопясь произнёс младший лейтенант, словно испытывая наше терпение, — одна Дурова имеется... Умерла в 1928 году. Вот другая выбыла... Посмотрим сейчас, куда выбыла... В Москву, в Москву выбыла. Вот Дуров... Дуров... Видите, мужчина. Анатолий Анатольевич. Подходит?

— Ну, конечно, подходит!

— Нет, не подходит, — опечаленно проговорил младший лейте-

нант. — Это дрессировщик Дуров со зверинцем в прошлом году приезжал...

Тут вмешалась девушка:

— Товарищ начальник, смотрите, вот: раз, два, три, четыре. — Она веером разложила на столе карточки. — Вот, пожалуйста, все Дуровы и сейчас живут. Запишите...

Переписав адреса, мы вернулись в гостиницу и, решив не откладывать дела в долгий ящик, отправились в путь, прихватив с собой на всякий случай и наш звукозаписывающий аппарат.

Идём, читаем по дороге: Советская, 26. Дуров Пётр Григорьевич. 1902 год рождения. Один поворот за угол, другой. И мы на Советской улице, возле дома № 26. Здание новое, двухэтажное, с лепными украшениями на фронтоне, с витражными стёклами в парадном подъезде. Поднимаемся во второй этаж. Останавливаемся. На дверях медная табличка с надписью: «Дуров П. Г.».

Ещё не решив, с чего начинать предстоящий разговор, нажимаем кнопку звонка. Навстречу выходит худощавый человек в шёлковой косоворотке с гарусными узорами на воротнике и, удивлённо поглядев на нас поверх очков, спрашивает:

— Вам кого?

Представьте себе, вваливаются два незнакомых человека с чемоданами и даже толком не могут сказать, кого им надо. Пытаемся объяснить.

— Видите ли, ваша фамилия Дуров, а мы — журналисты, и нам хо-

телось бы знать, не имеете ли вы какого-нибудь, хотя бы далёкого отношения к той самой партизанке-героине Отечественной войны Дуровой...

— Как же, как же, — обрадованно восклицает Пётр Григорьевич, — это наша дочка!

Мы опешили: прабабушка, прапрабабушка — это понятно, но дочка?..

— Да вы заходите в комнату, — заметив наше смущение, пригласил хозяин и крикнул куда-то в глубинную квартиру:

— Мать! Поддай-ка сюда Верочкин портрет...

Всё произошло так стремительно, что мы даже не успели задать ни одного вопроса. Очень похожая на Петра Григорьевича — такая же высокая, такая же худощавая и тоже с очками на кончике носа — пожилая женщина принесла и положила перед нами на стол фотографию.

Мы увидели изображение круглолицей смеющейся девушки с ямочками на щеках и совершенно седой прядью волос, упавшей на открытый высокий лоб. Девушка была снята во весь рост, в нарядном платье, на котором рельефно выступали ордена Отечественной войны и боевого Красного Знамени.

— Вот что значит писатели-корреспонденты — успели узнать, что она и партизанка и героиня, — приговаривал Пётр Григорьевич. — Четыре года в белорусских лесах вое-

вала. Два раза в гестапо была. Мучали её. Седая в двадцать лет стала...

— А где она сейчас? — как можно осторожнее спросили мы.

— Как же, как же, — она делегат, — засуетился Пётр Григорьевич. — В Ижевске, на конференции мира, она учительница, вот её и послали...

Хозяйка дома успела за это время схлопотать чай, заставить стол разными булочками и ватрушками, не преминув сообщить, что это дело рук самого Петра Григорьевича, который славится в городе как лучший кондитер. А мы тем временем решили членораздельно объяснить хозяину, почему мы пришли к нему с этими чемоданами, что привело нас сюда, тем более, что можно было провести такую близкую параллель между однофамильцами Дуровыми двух разных эпох... Как раз в эту минуту раздался долгий телефонный звонок. Пётр Григорьевич многозначительно поднял палец.

— Междугородная!.. — Он кинулся сначала на кухню. Закричал:

— Мать, мать, наверное, Ижевск!

А потом подошёл к аппарату, снял трубку, подул в неё и, как человек, не привыкший к частым телефонным разговорам, спросил:

— Кто там?

Потом началось:

— Верочка! Говори громче. Чего? Чего, чего, не слышу? Ты в трубку говори, в трубку...

Видимо, Пётр Григорьевич очень волновался, потому что, стоя в другом конце комнаты, мы отчётливо слышали голос Верочки. Вконец измаявшись, хозяин протянул нам трубку:

— Может быть, вы поможете, я ничего не разберу...

И мы помогли. Тотчас открыли наш аппарат, подключились к телефону, попросили Петра Григорьевича сообщить Верочке, кто будет говорить вместо него, а затем, уже через несколько минут, к необычному удивлению хозяев, воспроизвели записанный на плёнку голос их дочери.

— Передайте папочке, что я его

хорошо слышу. Пусть не беспокоится. Конференция проходит успешно. Возможно, поеду в Москву. Папочка, мамочка, не волнуйтесь. Я чувствую себя хорошо. Спокойной ночи...

— Дальше давайте, дальше, — заторопил Пётр Григорьевич.

Мы не сразу поняли — что дальше?

— Дальше пусть говорит!

— Так она же больше ничего не сказала.

— Ах, досада! — поёжился Пётр Григорьевич.

Мы решили доставить старикам удовольствие и прокрутили плёнку ещё раз. Отец с матерью подошли совсем близко к аппарату, нагнулись к нему и движениями губ повторяли то, что говорила их Верочка. А когда она сказала: «Спокойной ночи», Пётр Григорьевич улыбнулся и с некоторой важностью даже проговорил:

— Какой там спокойной ночи! Это раньше твердили: «За Волгой спят и нам велят», а я завтра экзамены сдаю. Так что теперь по-другому — «За Волгой не спят и нам не велят...»

Бережно поглаживая широкопалой рукой крышку магнитофона, как будто в нём сидела живая Верочка, Пётр Григорьевич говорил:

— Вот вы рассказываете — Дурова там, корнет, мужское платье надела, воевать пошла... Оно, конечно, и в прошлые времена смыслённые девушки встречались, а только в нынешнюю пору они стали куда смыслёнее...

Заметив, что мы собираемся уходить, Дуров заволновался:

— Что вы, что вы — так скоро... Оставайтесь... Ещё чайку выпьем, потолкуем... А то, может, переночуете?..

Он сделал паузу и посмотрел иском на закрытый уже чемодан.

— Переночуете, — повторил Пётр Григорьевич, — а утречком, того-этого... — он покрутил пальцем в воздухе, — опять с Верочкой поговорим, опять плёнку повертим...

Но мы всё-таки решили провести ночь в гостинице... Первая встреча

с Дуровыми, как вы сами понимаете, подогрела наш интерес к этой фамилии. И уже завтра с утра мы стали продолжать «исследования».

Берём следующий адрес. Читаем: Дурова М. Т. Проживает — Заречная, 6. Работает директором мебельного комбината...

Об этом комбинате мы уже кое-что слышали. Мебель с его фабричной маркой видели даже в музее. И в магазинах видели. Хорошая мебель, красивая...

Приходим. Спрашиваем секретаря:

— Директор принимает?

Как полагается, секретарь интересуется:

— По какому делу?

— Скажите, мол, по вопросу, связанному с историей города...

Через несколько минут распаивается дверь и нас приглашают.

Директору на вид лет 25—28. Блондинка, с тонкими чертами лица и большими ярко-голубыми глазами, в которых светятся энергия и решительность. Директор Дурова опережает все наши вопросы:

— Интересуетесь работой комбината? Правильно. Пора...

Нажимает кнопку звонка, приказывает вошедшей секретарше:

— Главного инженера ко мне.

В комнату не входит, а почти вкатывается лысый толстяк в пенсне и с кожаной папкой под мышкой. Директор обращается к нему:

— Корреспонденты. Интересуют-

ся нашей работой. Что мы можем сказать?

Толстяк мямлит что-то нечленораздельное.

— Можем сказать так, — всё так же энергично продолжает директор: — работаем неважно...

Главный инженер жестом останавливает начальство:

— Мария Тимофеевна, но зачем же так резко?

— Не резко, а справедливо, — хмурится Дурова. — Потребитель становится зажиточней, культурней. Мы должны украшать его быт... Одним словом, пишите товарищи так...

Она, видимо, приготовилась диктовать. Но, как вы догадываетесь, наверное, мы взяли в руки не перо и бумагу, а поднесли к директору микрофон... В первую минуту она растерялась... Люди всегда несколько теряются, когда им впервые приходится говорить в микрофон. Да что там впервые! Даже искушённые артисты и дикторы и те иногда от волнения бог знает что говорят.

Но Дурова быстро овладела собой и без всякой предварительной подготовки, без текста произнесла:

— Сарапульский мебельный комбинат имеет все условия работать лучше. Мы далеко не используем наши возможности...

В этом духе она говорила минут пять — шесть, а когда мы выключили аппарат, сказала главному инженеру:

— Вот так. Это правильно. А теперь пройдите с товарищами на производство и покажите им те колесные стулья, которые мы чуть-чуть не выпустили в продажу. Да, да, — повторила она, глядя на растерявшегося инженера, — надо иметь смелость и мужество признаваться в своих ошибках...

Честно говоря, мы сами растерялись. Разговор на историческую тему явно не состоялся и только, уже выйдя с главным инженером из кабинета, мы успели спросить его:

— Скажите, а ваша Дурова, она имеет какое-нибудь отношение к той самой Дуровой... к кавалерист-девице?..

Наш спутник, видимо, недослышал и, скрестив руки на груди, с чувством воскликнул:

— О да, вы совершенно правы, это такая кавалерист-девица, что спасу нет!..

На пути наших многодневных «исследований» встречались разные люди. Особенно запомнился нам один старик. Узнали мы о нём при следующих обстоятельствах. Дело в том, что Надежда Дурова ещё до того, как она, назвав себя мужчиной, убежала в казачий полк, была против своей воли выдана родителями замуж за председателя земского Сарапульского суда Василия Степановича Чернова. У них родился сын Иван, о судьбе которого не упоминается ни в каких книгах, но, по всей вероятности, — так рассуждали мы, — в числе потомков Дуровой, проживающих в Сарапуле, могли быть и Черновы.

И вот отыскался один Чернов. И не просто какой-нибудь молодой человек, а старик 114 лет от роду. Заманчиво было и то, что этот самый Чернов работает сторожем на знаменитой Сарапульской обувной фабрике, которая славится далеко за пределами этого города.

Чернов, Аким Иванович его зовут, огромного роста. У него косматая сивая борода, брови, как запылённые снегом кусты, и небольшие серые, удивительно тёплые и молодые глаза.

Спрашиваем:

— Как здоровье, Аким Иванович?

— А ты что — доктор? — хмурится дед, обращаясь на «ты» сразу к нам обоим. — Всё, — говорит, — на месте. Голова, сердце, лёгкие. Только зубов нет. Впрочем, и без зубов жить можно...

И поясняет:

— Щей наварят, я густыш вычерпаю, а жижу ем...

— А вы с кем живёте, Аким Иванович?

— Один живу, — откликается старик, — советская власть кормит.

Разговорившись, мы решаемся подойти вплотную к интересующему нас вопросу. Мол, слышали что-нибудь о Надежде Дуровой?

— Слышал, — уныло кивает дед.

— Может быть, знали кого-нибудь из Черновых, которые продолжили род Дуровой?

— Знал, — также уныло кивает дед.

— Кого же именно? — ухватываемся мы за это признание.

— Что ты ко мне пристал! — вдруг рассердился старик. — Не помню и всё тут. Ты меня не убаюкивай. Я, может, самого Наполеона видел, да забыл. Ты меня о будущем пытай, мне с горы видней...

Заметив наш чемодан с аппаратурой, Чернов оживился:

— Это что такое за машина?

Объяснили: дескать, магнитофон и всё такое...

— Ишь ты, — усмехнулся Аким Иванович, приседая на корточки и ощупывая катушку с плёнкой. — Может, здесь все факультеты и результаты значатся...

Мы попросили Акима Ивановича приблизиться к микрофону и произнести несколько слов для нашего очерка. Старик отошёл на шаг, задумался, почесал бороду, сложил руки возле рта рупором и совсем тихо, словно боясь сдуть микрофон, произнёс:

— Говорит Аким Иванович Чернов, 114 лет от роду...

И затем неожиданно сильно, так, что даже задрезбезжала аппаратура, крикнул:

— Долой поджигателей войны!..

Услышав свой собственный голос, Аким Иванович обошёл вокруг нашего аппарата, внимательно разглядывая его, и деловито спросил:

— Слушай, а ты всё так с этой машиной и ездить?

— Да, так и ездим, — ответили мы.

— И всё Черновых ищешь? — допытывался старик.

— Ну, не только Черновых...

— А хочешь я тебя к делу настоящему приставлю? — не без лукавства спросил Аким Иванович. — У меня, брат, 56 внуков — инженеры есть, токари, механики, два председателя колхоза, восемь доярок. И все в разных концах живут, кто где. И все Черновы. Валяй, кати! Я тебе ещё мешок яблок с собой дам. Внукам раздашь, — скажешь, от деда... — И старик раскатисто, от души засмеялся...

...Ну, а ещё с одним представителем фамилии Дуровых мы познакомились совсем неожиданно, ещё до того, как успели отправиться по записанному в блокноте домашнему адресу.

Однажды утром в гостинице местного радио передало такое сообщение:

— Внимание! Говорит Сарапул... Начинаем передачу по городу и району. Сегодня токарь-новатор механического завода Борис Николаевич Дуров закончил выполнение шестой годовой нормы. Применяя скоростные методы обработки...

Шесть годовых норм! Вы сами понимаете, что это не могло меня не заинтересовать. И вот магнитофон в руки — и на завод...

Но Дурова на заводе не оказалось.

— Вот его станок, — показал нам старый мастер, — вот его шкафчик для инструментов, а вот его ученики, — и он обвёл рукой чуть ли не весь цех.

— Борис Николаевич сегодня выходной, — уведомил нас молодой рыжеватый паренёк, сменщик Дурова.

— Отчего ж, за шесть лет человек вперёд отработал, может и передохнуть, — пошутил кто-то из пожилых рабочих...

Но всё-таки нам удалось установить, что Дуров с утра был на заводе. Был и взял себе выходной день по каким-то неотложным, личным, семейным обстоятельствам.

Что ж, выходит, что мы зря пришли на завод? Нет.

Знаете, в старину так говорили: «Худая слава бежит, а хорошая лежит». Теперь у нас так не бывает. Люди гордятся хорошей славой своих товарищей. И мы, конечно, немало интересного узнали о Борисе Николаевиче Дурове от его друзей, товарищей по работе.

Нам показали какие-то схемы, вычерченные рукой Бориса Николаевича, смазку для станка, изготовленную по его рецепту, шаблоны, сконструированные им. И ещё показали нам тетрадь, обыкновенную школьную тетрадь. Мы открыли её и прочли на первой странице: «Метод Борткевича, Ленинград». На другой странице было написано: «Метод Быкова, Москва». И далее советы и замечания учёных и мастеров.

Таким образом мы уже могли себе представить, какой он есть, этот Дуров, каков круг его интересов. И тем более нам было любопытно с ним самим познакомиться. Мы узнали, что он живёт недалеко от завода, и отправились к нему в гости.

Пришли. Стучим. Открывает нам дверь невысокая полнотелая женщина в цветастом капоте и спрашивает:

— Вам, наверно, Борю? А его нету дома.

— Вот те на! А где же он?

Женщина улыбается несколько застенчиво, но отвечает нам так, словно мы обязательно должны были знать, где именно находится её Борис.

— Как где?.. В Родильном доме. Переживает...

У Бориса Дурова родились две дочки. На следующей неделе, когда Галина Александровна, его жена, вернулась с младенцами домой, нас пригласили в гости. За столом собрались лучшие друзья. Были, конечно, речи, поздравления, и кто-то из присутствовавших, кажется, всё тот же рыжеватый молодой паренёк — сменщик Дурова, даже прочёл стихи.

В этот вечер Дуровым преподнесли очень много подарков. Тут были, конечно, и разноцветные погрешники и книжки с картинками, так сказать, про запас, на вырост. Ну и мы тоже преподнесли Дуровым свой небольшой подарок. Мы записали на плёнку и подарили родителям на память плач близнецов, первый диалог новорождённых...

Борис Николаевич был очень взволнован и растроган нашим подарком, но озабоченно спросил:

— А что же я с этой штукой делать-то буду? У меня ведь такого аппарата, как у вас, нет.

Потом он вышел в соседнюю комнату, вернулся оттуда с блокнотом, долго что-то чертил, осматривал нашу аппаратуру и, наконец, сказал:

— Ладно. Такую машину я и сам сделаю по вашей схеме...

Но, конечно, самый красивый и самый трогательный подарок Дуровым преподнесли друзья по заводу. В разгар торжества в комнату внесли огромную корзину цветов, укутанную в бумагу. Когда её водрузили на стол и раскрыли, оттуда из-под ярко-красных тюльпанов вылетел снежной белизны голубь...

Мы ещё долго, почти месяц, ходи-

ли по сарапульским улицам, стучались в двери белых, полускрытых зеленью, домиков, осматривали мичуринские яблоневые сады, утопавшие в розовой пене, встречали и провожали перекликавшиеся гудками пароходы на Каме...

Наши «исследования» закончились неожиданно для нас самих. Однажды по телефону позвонил писатель Иван Петрович.

— Сегодня вечером, — сказал он, — я покажу вам живую Надежду Андреевну Дурову, настоящую кавалерист-девицу, штаб-ротмистра гусарского полка — всё честь по чести...

Это было какое-то наваждение. Мы решили — разыгрывает нас старик, шутит...

Но вот наступил вечер, писатель заехал за нами на машине, долго вёз нас куда-то, а потом... потом перед нами действительно предстала сама Дурова.

Прямо на нас глядело молодое, с чуть вздёрнутым носом, румяное лицо с густыми тёмными бровями. Она была в синем гусарском ментике с меховой опушкой и в мягких лакированных сапогах со шпорами. Нежная, женственная рука грациозно лежала на эфесе сабли.

Нам показалось, что это старинный портрет Дуровой, как бы шагнувший навстречу людям из позолоченной рамы. Но вдруг она заговорила — звонко, горячо:

— Я на воле и независима. Я взяла мне принадлежащее — свободу, драгоценный дар, неотъемлемо принадлежащий каждому человеку...

Раздались аплодисменты, дружные, долгие...

Вы уже, наверное, догадались, что мы присутствовали на спектакле... Да, Иван Петрович доставил нас в пригородный совхоз на самодеятельный спектакль. Роль Дуровой в пьесе, написанной участниками совхозного литературного кружка, исполняла зоотехник Надежда Пучкова.

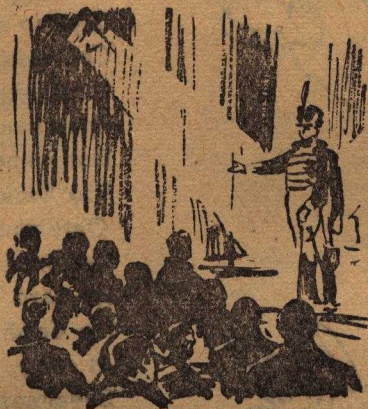
В зале сидели доярки, конюхи, агрономы, птичники, полеводы. Взоры всех были устремлены на освещённую зеленоватым светом софит-

тов сцену, откуда доносился звонкий, высокий голос:

*О Родина, земля отцов и дедов,
Клянёмся перед алтарём твоим:
Сынов Отечества великие победы,
Свободу, честь и славу отстоим!..*

И, может быть, именно в этих

строках мы услышали как бы символическое завершение наших поисков, нашего стремления узнать, о чём думают, чем живут и о чём мечтают простые, мирные советские люди в одном из многочисленных маленьких городков нашей прекрасной Родины...

Волшебный художник

Слышали, ребята,
Как Мороз трещал?
Это он на стёклах
Ночью рисовал.

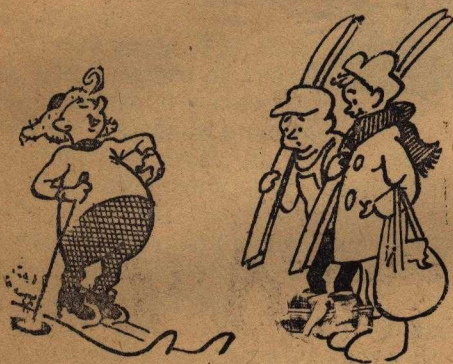
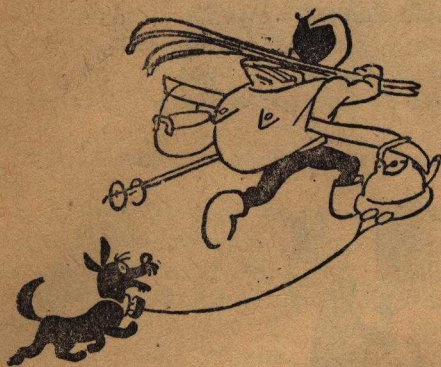
Рисовал без красок —
Горсти серебра
Брал Мороз в сугробах
Нашего двора.

Но откуда это,
Кто ответит мне —
Белые букеты
На моём окне?

Ни весны, ни лета
Не видал Мороз,
А цветы рисует...
В этом и вопрос.

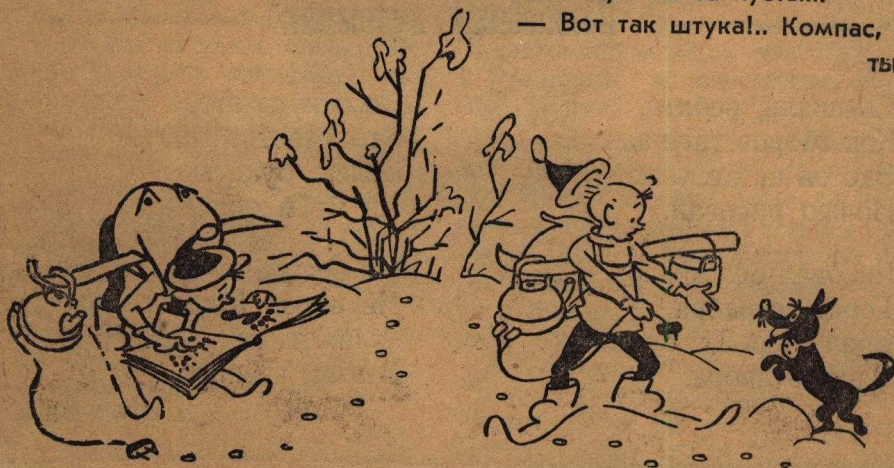
А. ПОПЕРЕЧНЫЙ

Идёт Перепуткин в трёхдневный поход

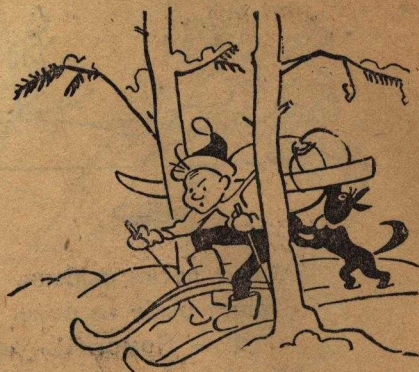

1. Шумно в школе у ворот —
Собираются в поход.
Перепуткин на дорогу
Брал как будто бы немного,
Получилось всё же так,
Что битком набит рюкзак.
Остальное за спиной —
Чайник с лыжей запасной.
Но зато Семён Оплошкин
Не берёт с собой ни крошки.
И тому, кто удивлён,
Заявляет важно он:
— Вы не бойтесь за меня,
Я наелся на три дня.

2. Вот и лес. А возле ели
След заметный еле-еле.
На него глядит Аркадий:
— Точка спереди... Две —
сзади...
Не иначе, как медведь!
Любопытно посмотреть. —
Заглянул он за кусты...
— Вот так штука!.. Компас,
ты?..

3. Говорят не зря, что лес
Полон всяческих чудес.
Шёл Аркадий. Вдруг в пути
Встал и с места не сойти.
Ну, поверьте, ни на шаг!
Держит кто-то за рюкзак.
Знает Компас, как тут быть,
Да не может объяснить.

4. Над кастрюлей вьётся пар.
Перепуткин — кашевар.
— Ну и славный будет суп!
Всыпал восемь разных круп.
Сделал точно всё по книжке...
Но откуда в супе шишки?!

5. — Не беда, что нет ружья!
Дичь добыть сумею я. —
Перепуткин снег разгрёб,
Быстро спрятался в сугроб.
На сугробе — бутерброд.
Интересно: кто ж придёт?
...Над леском победный клич:
— Есть! Попалась!
...Ну и дичь!..
Ты зачем, Оплошкин, здесь?
Кто три дня хотел не есть?

6. Тянут лески рыбаки,
 Тащат рыбу из реки.
 — Помогай! — кричит
 Аркадий. —
 Мы вдвоём скорее сладим, —
 Но Семён упал на лёд.
 — Не могу! — кричит. —
 Клюёт!

На подмогу Компас мчит,
 В лёд вгрызается, рычит.

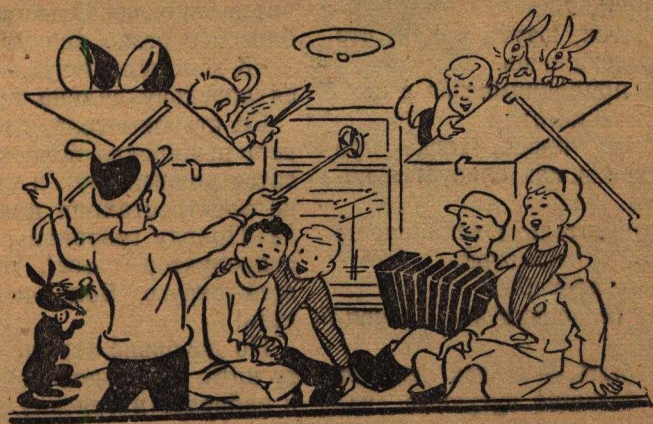
Лунку сделал хитрый пёс,
 Рыбу вынул
 И унёс.

7. Вдруг заметил наш герой
Двух зайчишек под горой.
Догоняет их лисица,
И зайчатам негде скрыться.

К ним на выручку! Вперёд
Перепуткин курс берёт.
Разогнался с вышины —
И зайчата спасены.

8. Мчится поезд в Ленинград.
Возвращается отряд.
Есть у каждого билет,
А у зайцев, ясно, нет.
Шум, веселье у ребят.
Всю дорогу пел отряд.
Лишь один Семён с тоской
Рылся в книге поварской.

ЯРКО пылает костёр. Дядя Фёдор, коренастый, с обветренным лицом и пышными русыми усами колхозник, время от времени поправляет суком подгоревшие поленья. Тогда над костром взлетают огненные языки, взвивается целый рой золотых искр. Они кружатся и, поднявшись ввысь, одна за другой пропадают в чёрном небе. Якимка провожает их долгим взглядом. Красиво!

В отдалении от костра, за светлой гранью, то и дело фыркают и глухо бухают копытами о пожню стреноженные кони. Это пасётся колхозный табун.

— Так тебя, значит, интересует, страшно ли было в разведке? — после долгого молчания переспрашивает Якимку дядя Фёдор и, не ожидая ответа, продолжает:

— Тут, браток, штука такая, что сразу и не расскажешь.

Он нехотя приподнимается с земли и берётся за кисет.

— Вот гляну коней, тогда про самые эти страхи как следует и потолкуем.

Якимка стремительно вскакивает:

— Я, я коней посмотрю.

В его голосе просьба.

— Ведь не бездельничать я в ночное шёл!

— Так и быть, — конюх достаёт из кармана большие чугунные ча-

сы, — до двенадцати ты дежурный, а потом я заступаю.

Якимка делает несколько широких шагов от костра и в нерешительности останавливается. Впереди — темень. Да такая густая, что, кажется, пальцем её не проткнёшь.

— Пройди, посмотри около болота, — бросает вслед ему дядя Фёдор.

Эти простые слова почему-то сразу придают пареньку бодрости. Он решительно идёт в темноту.

И удивительно. Не такая уж она тёмная, какой казалась там, у огня. Вон и коней видно и кусты над Ольховкой чернеют. А звёзд на небе сколько!

Придя в себя, Якимка останавливается и внимательно прислушивается к ночным звукам. Тихонько журчит в зарослях Ольховка, где-то поблизости резко кричит дергач.

«К холоду кричит», — вспоминается пареньку дядина примета.

Со стороны села, где слабо розовеет неширокая полоска неба, доносятся ровный глухой стук двигателя на электростанции и весёлая музыка. Правду говорили ребята, что их репродуктор самый голосистый во всей округе. Вон как далеко слышать!

Но довольно стоять. Пора к болоту идти. А то, чего доброго, возьмёт и забредёт в трясину конь или же-

ребёнок. Что тогда делать? Был же такой случай в позапрошлом году.

Осторожно, чтоб не споткнуться о корень, Якимка идёт в ту сторону, где тихо шелестит высокая болотная осока. В деревне это место прозвали бельмом. И действительно, оно словно бельмо в глазу. Вокруг луг как луг, а в самой середине его — пятаком трясина. Как-то после войны вздумали было колхозники осушить болотце, да отказались. Всё равно ничего не выйдет: топкое место лежит много ниже, чем луг. Так и осталось оно неосушенным.

Подойдя к кустам, обступившим трясину, Якимка вдруг замирает на месте, потом машинально отходит назад. Из густой осоки до его слуха долетает не то слабый стон, не то жалобное ржание. По спине мальчика пробегают холодные мурашки, на лбу выступают крупные капли пота. Что это?! Может, волк? Хотя нет. Волки как будто не так воят...

«Надо скорее дяде сказать», — думает парнишка. Перед глазами Якимки на момент встаёт уютный костёр, весёлые искорки в небе, спокойный взгляд дяди Фёдора. И так хочется быть сейчас там, рядом с ним, прижаться к его надёжному плечу. Но большим усилием воли мальчик отбрасывает это заманчивое желание. Ну что? Прибежишь, а тот скажет: «Эх, ты трус, удрал, не узнав ничего толком! Пионером ещё называется. А что было бы, если тебя в разведку на войне послали? Тоже задрожал бы — и назад?»

Отступать ни в коем случае нельзя. Нужно самому про всё разведать. Вот только оружия у него нет, даже нож с собой не захватил. Как чистил печёную картошку у костра, так и забыл его на кривом полене.

Якимка наклоняется, поспешно шарит руками по земле и, наткнувшись на длинную палку, поднимает её. Взять хоть это. Мало ли что может случиться!

Теперь вперёд: Пусть себе бегают по спине мурашки, пусть заплетаются ноги, но назад ходу нет.

И Якимка осторожно крадётся меж кустов. Перед собой он держит

палку. И это уже не просто ольховый сук, а винтовка, автомат, пика, всё, что только может нарисовать мальчишечье воображение. Грозное оружие направлено в сторону тёмных силуэтов кустов, туда, откуда доносится затаённый шорох осоки.

А ржание повторяется. Слабое, безнадёжное. Словно попало в беду малое дитя, которое, выплавав все слёзы, теперь только всхлипывает тихо, не зная, откуда ему ждать помощи, не ведая, придёт ли она когда-нибудь.

Ноги Якимки помимо воли останавливаются и готовы снова отступать. Но мальчик сдерживает себя, некоторое время прислушивается и вдруг радостно вскрикивает:

— Да ведь это жеребёнок!.. Он! А я чуть к дяде Фёдору не побежал. Ну и дурень!

Якимка решительно бросается туда, где ржёт жеребёнок, с яростью продирается через кусты. Слетает с головы картуз, что-то жгучее, наверно, крапива, обжигает лицо, руки. Но ничего! Он не отступит. Ещё несколько шагов, и он будет возле жеребёнка.

Но тут ноги попадают во что-то вязкое и проваливаются. Мальчик падает вниз лицом. Трясина!

— Дя-а... — зовёт Якимка, но обрывает крик на полуслове. Рядом с его головой вздрагивает голова жеребёнка с белой звёздочкой на лбу.

— Ласточка! Вот кого засосало проклятое болото! — Мальчик нежно гладит её мокрую мордочку, шумно дышит.

— Не бойся, глупенькая. Сейчас выручу.

Но как? Подумав минутку, Якимка ощупывает жеребёнка и с радостью убеждается, что передние ноги у того ещё не затянуло в болото. Значит, в первую очередь следует подложить под них палку. Получится что-то вроде мостика. А потом? Как быть самому без палки? Ведь и его может засосать...

— Якимка-а-а! — доносится изда- лека глуховатый голос.

— Сюда, дяденька, сюда-а! — что есть мочи кричит мальчик и решительно вырывает из-под себя палку. Теперь до прихода конюха он продержится и без неё.

Лихорадочно раскидав грязь под Ласточкой, Якимка подкладывает палку. Кажется, что жеребёнок облегчённо вздыхает. А хлопчик, хотя и медленно, но неудержимо погружается в холодную тину. Вот она засосала ноги, вот подбирается скользкой змейкой к затылку. Якимка изо всех сил пытается вырваться из предательской жижи, но та не отпускает его...

— Где ты? — уже совсем близко раздаётся встревоженный голос.

— Здесь! Быстрей!.. — хрипло кричит Якимка.

Затрещали кусты, и вот дядя Фёдор лежит рядом с Якимкой. Руки у него сильные, цепкие. Просунул их под жеребёнка, и трясина, недовольно хлопнув, выпустила того из своих смертельных объятий.

— Держись за меня, голубчик! Да крепче.

К костру конюх и мальчик идут плечо к плечу, как равные. Промокшего до нитки Якимку пробирает дрожь. А дяде Феде, пожалуй, жарко. На руках, как ребёнка, он несёт Ласточку. Надо, чтобы она обсохла в тепле. Иначе заболеть может.

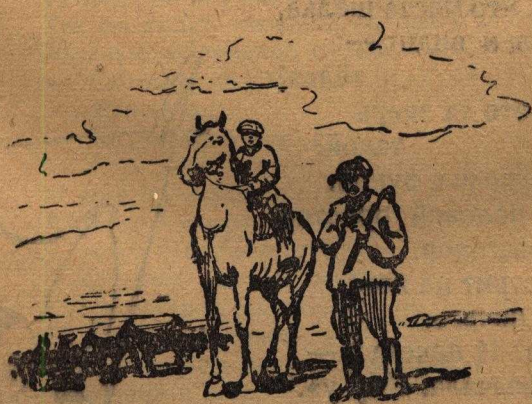
— А молодчина ты, не растерялся, не испугался, — говорит дядя Фёдор.

Якимка молчит. Ему хочется сознаться, что это не так, что он и растерялся и струсил. Но разве можно говорить про это бывшему партизанскому разведчику, орденосцу, который даже в самые опасные минуты не знал страха?

Молчит и дядя Фёдор. У него свои думки. В детстве, в свои двенадцать лет, он ни за что не пошёл бы один в болото да ещё ночью. А этот, гляди ты, от земли два вершка, а уж чуть ли не на подвиг готов. Попробуй такому рассказать, как страшно иногда бывало в разведке и что только силой воли глушил он этот страх. А рассказать что-то надо, обещал ведь. Вот так задача!..

Молча, думая каждый о своём, идут они ночным лугом туда, где заманчиво светится костёр.

Перевёл с белорусского
Игорь ГРИГОРЬЕВ

ПЕРВЫЕ стихи Бронислава Адольфовича Кежуна появились на страницах «Пионерской правды», «Ленинских искр» и журнала «Пионер» ещё в 1930 году.

В период Великой Отечественной войны Б. Кежун был корреспондентом военной печати на различных фронтах.

После войны вышло несколько сборников Б. Кежуна.

Скоро выйдет его новый сборник «Стихи о Серёжке». Стихотворения из этого сборника мы печатаем в этом номере «Искорни».

Бр. Кежун

Рисунки М. Бекташева

РАЗГОВОР С ТЁЛЁНКОМ

От станции не遠деке
Паслась телушка на лужке.
Верёвкою к концу кола
Она привязана была.
За кругом круг, за шагом
шаг —

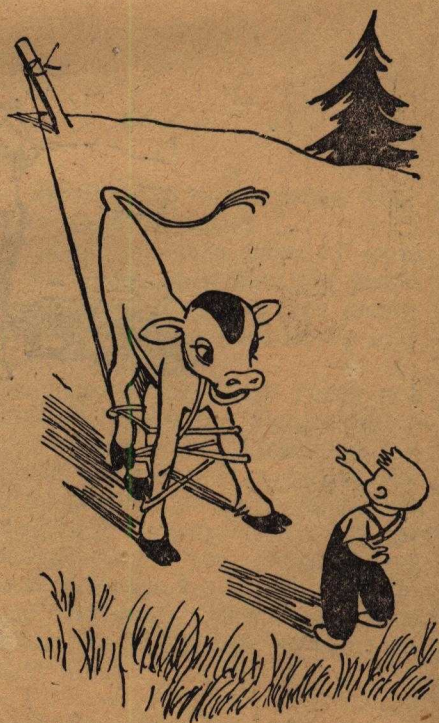
Она запуталась, да как:
Не повернуть ей головы,
Не дотянуться до травы!
Тут по траве, что мягче шёлка,
Серёжка шёл и видит —
тёлка!

Он смотрит: что за зверь
такой?

Он тёлке погрозил рукой.
Взглянул на полевой простор
И начинает разговор.
Но тёлка смотрит на него,
Не понимая ничего:
Что хочет он? И почему? —
И громко замычала: «Му-у».
Серёжка ей совет даёт:
— Иди назад, а не вперёд,
Чтоб размотаться, и опять
Начнёшь себе траву
щипать! —

Но тёлка смотрит на него,
Не понимая ничего:
Тебя я что-то не пойму,
Куда ты клонишь и к чему? —
И снова замычала: «Му-у».

Он ей и то,
Он ей и сё, —
Что знает, высказал ей всё;
А тёлка глупая ему —
Всё «му» и «му»,
Всё «му» и «му»!..
Так и не вышло из беседы
толка:
Не поняла Серёжку тёлка!

Я — ЧЕЛОВЕК!

Только солнце сквозь окошко
Глянет в комнату опять,
Просыпается Серёжка,
Собирается гулять.
В дверь стучит ручонкой
гневной —

Выпускайте на простор!
И опять свой ежедневный
Начинает разговор.
А потом идёт-шагает,
В майку алую одет.
Он до вечера гуляет
(С перерывом на обед).
Он — планеты малый житель —
Дует в трубочку: ду-ду!
Это значит: «поглядите!
Это я гулять иду!»
Бугорки дорогой встретив,
Упадёт разок-другой,
Сам встаёт — и по планете
Грозно топает ногой.
Так он ходит, страшно гордый
Жизнью маленькой своей...
— Сколько лет тебе?
— Два года!
— Как зовут тебя?
— Сергей!

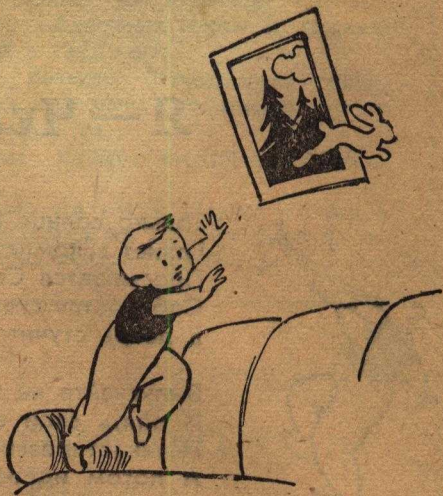
И уже он знает много
В раннем возрасте таком:
Помнит к садику дорогу,
Знает дом, где мы живём.
Он расскажет вам подробно,
Что, и как, и почему —
Всё, что знать в летах подобных
Полагается ему.
— Кто ты? — спросишь ради
шутки, —

Ты, наверно, воробей?.. —
Не промедлив ни минутки,
Даст ответ малыш Сергей.
Пусть ещё всего два года, —
Ведь его недолог век, —
Он в ответ, как взрослый, гордо
Говорит: — Я — Человек!

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Только появится солнце
в окне,
Солнечный зайчик бежит
по стене.
Смело бежит он вперёд и
вперёд,
Жёлтыми ушками шустро
прядёт.
Быстрыми ножками зайчик —
прыг-скок! —
С пола бросается на потолок.
Дрыгает хвостиком очень
смешным...
Зайчик — вперёд, и
Серёжка — за ним!
Солнцем глаза у зайчишки
горят...
Зайчик — назад, и Серёжка —
назад!
Он его ловит опять и опять,
Ловит опять — и не может
поймать!

Он его любит и кормит
 травой, —
Ведь для него этот зайчик —
 живой!

М О Р О З К О

(Загадочная картинка А. Илючека)

Спряталась Дуняша от злой мачехи, ждёт, вот-вот придёт Дедушка Мороз и спасёт её.
Где злая мачеха? Где Дедушка Мороз? Попробуйте отыскать их.

Подарок Хоттабыча

ЗАНИМАЛСЯ ли Рамзес II физкультурой — этого толком не знает никто. Был он фараоном, строил какие-то пирамиды, с кем-то воевал и умер три тысячи лет тому назад. Возможно, он метал диск или копье, возможно, бегал стометровку или прыгал с шестом, но что Рамзес не играл в хоккей — это точно, потому что жил он в Египте, а там, как известно, зимы не бывает.

И всё-таки именно из-за него, из-за Рамзеса II, начались у Сени Фомина хоккейные неприятности.

Трижды вызывал Сенью Валентин Михайлович — учитель по истории, и трижды Сеня ничего не мог ответить про Рамзеса II, потому что перед этим каждый раз ездил на каток тренироваться к предстоящим хоккейным соревнованиям.

А когда Валентин Михайлович поставил Сене в четверти двойку, то ребята решили исключить Сенью из хоккейной команды. Его, Сенью, центрального нападающего, который мог с пятнадцати метров забить мяч из какого угодно положения в любой угол ворот по заказу!

— У кого двойки, тот не играет, — сказал ему Женька Ершов. — А то проверят из гороно, — всю команду снимут.

И случилось это перед ответственной игрой на первенство района с хоккеистами соседней школы.

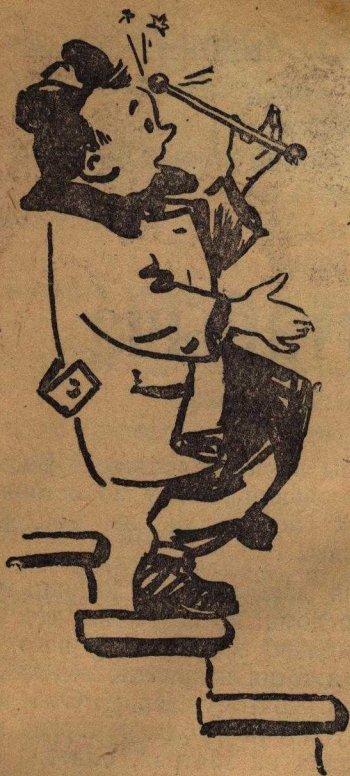
ЗЛОЙ и расстроенный пошёл Сеня домой. На улице прохожие несли ёлки. Они радовались, что наступает праздник — Новый год. Да и

чего бы им не радоваться? Ведь же им поставили двойку по истории и не их исключили из хоккейной команды...

Сеня дошёл почти до парадного своего дома, но вспомнил, что мать обязательно потребует у него табель, а тогда неприятностей не оберёшься. Поэтому свернул Сеня в кино, купил за рубль, который мать ему дала на завтрак, билет и безо всякого удовольствия просмотрел картину про старика Хоттабыча.

А когда Сеня вернулся, то оказалось, что дома никого нет. Отец и

мать ушли куда-то в гости. Они захватили с собой и младшего братишку Лёшку.

Сеня поужинал и лёг в постель.

Отовсюду доносилась музыка, наверху танцевали.

Сеня ворочался и никак не мог уснуть.

«А всё этот Женька Ершов, — думал он. — Просто ему самому захотелось играть центральным нападающим, вот он и придрался».

И долго горькие мысли о человеческой несправедливости жгли ему сердце. Эх, придумать бы такие ворота, какие старик Хоттабыч сделал. Куда мяч летит, туда и они бегут. Вот бы всыпали Женькиной команде!.. Только где их взять, такие ворота? Такие только в сказке и бывают.

ДОЛГО ли, коротко ли лежал Сеня, может быть, он и вздремнул немного, только вдруг он услышал шипение

Сеня взглянул в угол и увидел столб дыма. Потом дым стал расходиться, и из него вышел старик Хоттабыч. Сеня сразу узнал его по чалме, по узорчатому халату и по длинной, реденькой седой бородке.

Шаркая по полу туфлями с загнутыми носками, Хоттабыч подошёл к Сене и сказал:

— О справедливейший из справедливых! Я знаю твои печали и заботы. И я пришёл помочь тебе. Возьми, о отрок, эту волшебную палочку. Она заступает за правого и наказывает виновного.

И он протянул Сене какую-то палочку, а сам отошёл в угол, растворился в дымном облаке и исчез.

СЕНЯ проснулся поздно, вспомнил про Хоттабыча и про его подарок и грустно вздохнул. Эх, неплохо бы в самом деле иметь такую палочку-заступалочку!..

Сеня повернулся в постели и вдруг почувствовал, что плечо упёрлось во что-то твёрдое. Он сунул руку под подушку и вытащил оттуда... палочку. Да-да, самую настоящую палочку!.. Она была сантиметров двадцать длиной, полированная, с блестящими медными наконечниками на обоих концах. Конечно, это была не простая палочка!..

Так это был не сон!.. Значит, и в самом деле Хоттабыч приходил к нему ночью!..

Сеня вскочил с кровати и беспокойно оглянулся: не подсматривает ли кто? В комнате никого не было, кроме спящего Лёшки.

Сеня быстро оделся и спрятал волшебную палочку за пазуху. Ну,

берегись, Женька Ершов!.. Недолго ты будешь центральным нападающим!..

Сеня на цыпочках, чтобы не разбудить мать и отца, вышел на лестницу и тихонько прикрыл за собою дверь.

ДО чего же здорово чувствовать у себя на груди волшебную палочку!.. Вот она лежит, можно её ощупать, а захочешь — натрави, и она отдубасит любого!..

Сейчас он придет на каток и начнётся потеха. Сеня засмеялся от удовольствия, представив, как встретит Женьку, выпустит палочку, она взмоет кверху, а оттуда коршуном упадёт на белобрысый Женькин затылок и начнёт его разделявать. Женька замечется, закричит испуганно и жалобно, а потом пустится в позорное бегство. И лицо его при этом будет глупое-глупое.

— Ага!.. Поиграл на чужом месте?!

Сеня, прыгая через три ступеньки, понёсся вниз. Ему не терпелось поскорее применить свою палочку.

Вдруг он остановился. На батарее парового отопления, свернувшись калачиком, лежала кошка.

«А почему бы не попробовать на ней?» — подумал Сеня.

Не спуская глаз с намеченной жертвы, Сеня торопливо расстегнул пальто. Он сунул руку за пазуху, схватил палочку и стал вытаскивать. Медный наконечник на нижнем конце палочки зацепился за рубаху. Сеня рванул палочку, она отцепилась и верхним концом ударила его по лбу.

Сеня даже присел от неожиданности. Он отпустил палочку, и она, скользя по рубахе, снова оказалась за пазухой.

Сеня растерянно потёр ушибленное место. Он вспомнил слова Хоттабыча: «Она заступается за правого и наказывает виновного».

Ну, конечно, чем виновата кошка? Она пришла на лестницу, чтобы погреться, — только и всего. За что же палочка должна была её побить?..

Сеня ещё раз ощупал лоб, поглубже надвинул шапку и вышел на улицу.

СОРЕВНОВАНИЯ проходили на катке соседней школы, и Сеня направился туда. Ещё издали он увидел ненавистный Женькин затылок, и ему показалось, что палочка нетерпеливо дрогнула у него на груди, словно просясь на свободу.

Сеня расстегнул воротник и вдруг задумался: а что если палочка и в

Этот раз решит, что виноват не Женька, а он, Сеня?.. Она набросится на него и ему самому придётся с позором бежать от неё, а все будут смеяться, свистеть и улюлюкать...

От этой мысли Сеня зябко передёрнул плечами. Вот так палочка! Вот так подарок Хоттабыча!.. Недаром у этого волшебника и в кино всё получается наоборот.

Сеня прошёлся вдоль поля, раздумывая, как ему быть. «Подожду», — решил он. — А то за срыв соревнования ещё в милицию сведут».

Сеня прижал палочку рукой к груди, чтобы не вырвалась.

— КАКОЙ счёт? — спросил он у паренька, топтавшегося рядом.

— Четыре — ноль! — закричал тот и засмеялся. — Наши бьют!.. — Пареньк был незнакомый, наверное, ученик соседней школы. Сеня покосился на него и нахмурился: ишь, как обрадовался...

Сеня стал наблюдать за игрой. Хоккеисты соседней школы наседали и непрерывно били по воротам Сениной команды.

Женька вертелся в самом центре схватки, но его не поддерживали свои, они вяло и неуверенно отбивали мяч куда попало.

Опытным взглядом Сеня сразу оценил положение.

— Славка! — закричал он защитнику. — Куда бьёшь?! Давай по краю, на прорыв!

Славка услышал привычный голос и послал мяч вперёд, именно так, как было нужно. И сейчас же Женька, выскользнув из кольца противников, догнал мяч, ловко завернул его к центру и ударил по воротам. Вратарь бросился навстречу, но промахнулся. Мяч ударился о железную сетку, натянутую позади ворот. Так игроки Сениной команды сквитали первый мяч.

Сеня пробрался к воротам своей команды и стал руководить всей игрой. Он кричал, куда надо пасовать и кому идти на прорыв. Он так увлёкся, что совсем забыл про свою

волшебную палочку. Опомнился он тогда, когда судья объявил ничейный результат и что встреча будет переигрываться.

Тогда Сеня снова увидел Женькин затылок.

«Будь, что будет», — подумал он и полез за пазуху, чтобы достать палочку. Он уже наполовину вытащил её, как вдруг увидел, что Женька изо всех сил несётся к нему. Сеня спрятал палочку, а Женька, резко затормозив, остановился рядом.

— Сенька! — закричал он. — Мы вчера всей командой ходили к Валентину Михайловичу. Он сказал, что можешь прийти к нему хоть завтра, чтобы пересдать.

Он хлопнул Сеню по плечу и улыбнулся.

— Понимаешь, сколько мы набьём им, когда и ты играть будешь!..

Ну разве мог Сеня после этого натравить на него палочку?

Женька спокойно поехал в раздевалку, а Сеня помчался домой, чтобы выучить про Рамзеса и завтра же исправить двойку.

СЕНЯ вошёл в свою комнату и увидел в углу мать, которая, присев на корточки, рылась в Лёшкиных игрушках. Сам Лёшка стоял рядом и размазывал по щекам слёзы.

— Что случилось? — спросил Сеня.

— А вот, баловник несчастный, — кивнула на Лёшку мать. — Ходили мы с ним вчера в гости к бабушке, так он умудрился отвинтить какую-то палочку от бабушкиного бамбукового кресла. Вот я и разыскиваю её, потому что бабушка говорит, что кресло разваливается. Ума не приложу, куда он мог её засунуть?

Сеня вынул из-за пазухи свою волшебную палочку.

— Эта?

— Палочка!.. Палочка!.. — закричал Лёшка и потянулся к ней.

— Нашлась! — обрадовалась мать. — А я-то всё переискала!

Она взяла волшебную палочку и положила в сумку. И Сене нисколько не было жаль, что мать отнесёт его волшебную палочку бабушке. Всё равно она ему не понадобилась, потому что и без неё нетрудно в

жизни установить, кто прав, а кто виноват. Сеня взял учебник истории, раскрыл его на 123-й странице и начал читать про древнего египетского фараона Рамзеса II. Завтра он сдаст Валентину Михайловичу и попадёт в хоккейную команду безо всякого чуда.

ВОСПЛАМЕНЯЮЩИЙСЯ ХАРАКТЕР

ПОЛИКАРП Евстигнеевич прожил в Ленинграде, на Большой Охте, без малого 92 года. Много всевозможных историй накопилось в его памяти: и забавных, и грустных, и поучительных, словом, каких хотите.

Я познакомился с ним на Большеохтинском кладбище. Он почти уже оглох, и поневоле мне приходилось лишь слушать его. Между тем всякое воспоминание старого охтинина прямо-таки растравливало любопытство и хотелось задавать ему вопросы без конца.

Он водил меня по кладбищу. У иных могил останавливался, невнятно бормоча что-то, и тут же, энергично махнув рукой, шёл дальше. Возле одного нелепого гранитного обелиска, похожего на собачью будку, Поликарп Евстигнеевич покачал головой и проговорил, будто укоряя:

— Купец 1-й гильдии Ветошкин! Так-то, батенька мой.

Он постучал сухим крючковатым пальцем по белому, почти без крапинок, стволу берёзы и повернулся ко мне: — Ну, а там, далее...

Далее оказалась могила графа Шувалова, о котором Поликарп Евстигнеевич отозвался коротко:

— Так себе военный.

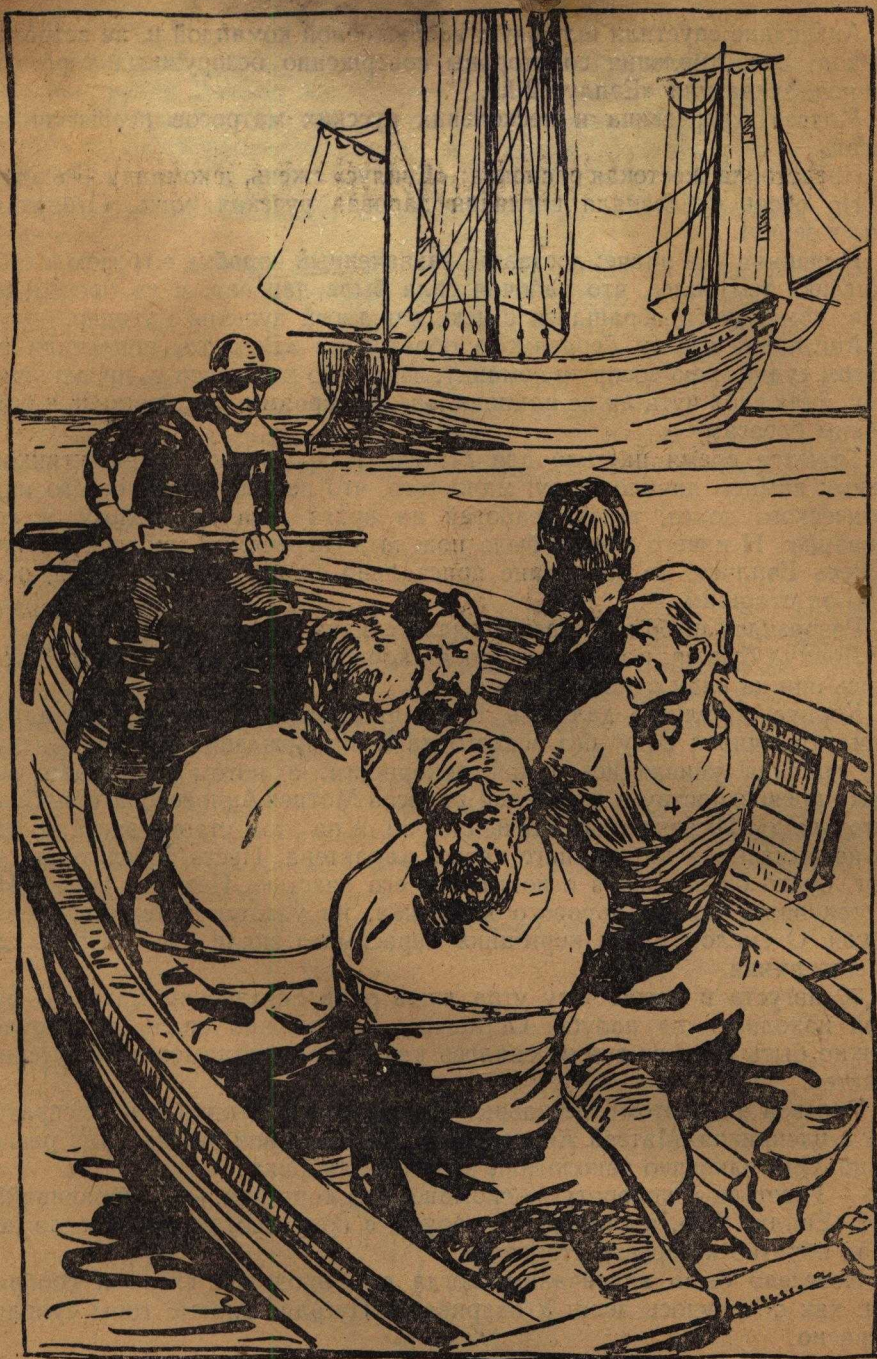
Долго бродили мы по кладбищу. Отдохнуть присели на солнышке. Но рассказывать старик не устал. Тогда я и услышал эту замечательную историю.

Поликарп Евстигнеевич начал повествование так:

— Чего только не случается в жизни! Возьмём простого человека — Матвея Андреевича Герасимова. Родился он в Коле, по-тогдашнему в Архангельской губернии, на службе состоял в самом Архангельске, а умер в нашем Ленинграде, по-тогдашнему в Санкт-Петербурге. И похоронен здесь вот, на Охтинском, по-тогдашнему Георгиевском кладбище. Что за характер был у человека — воспламеняющийся! Так-то, милый товарищ!

И вот она, история.

В 1810 году Англия воевала против России. Вражеские корабли пиратствовали в Ледовитом океане и Белом море, захватывая наши торговые и промысловые суда.

Только что построенное трёхмачтовое судно «Евплус 2-й» вышло из Архангельска в Данию. Везли рожь. Командовал «Евплусом» опытный мореход Матвей Андреевич Герасимов.

Неподалёку от мыса Нордкап русские заметили на горизонте вражеский корабль. «Евплусу» не удалось уйти от быстроходного фрегата, вскоре подошедшего с грозно наведёнными пушками.

Англичане спустили шлюпку с вооружённой командой и, не встречая никакого сопротивления со стороны совершенно безоружных торговых моряков, захватили «Евплус 2-й».

Матвея Андреевича и нескольких русских матросов перевезли на фрегат.

Предстояла жестокая расправа: «Евплус» сжечь, а команду — в плен.

Но очень соблазняла англичан даровая русская рожь. Отборная, зерно к зерну!

И решили они иначе: доставить захваченный корабль с грузом к себе в Англию, тем более, что рабочая сила была даровая, и не просто даровая: командуй и обращайся с нею, как твоей душеньке угодно.

Англичане свезли Герасимова обратно на «Евплус», поместили на русском судне свою военную команду, взяли его на буксир и, предвкушая славу, видя себя чуть ли не национальными героями, направились к британским берегам.

Тяжёлое время настало для Матвея Андреевича и его спутников. Тяжким камнем давило душу: мало того, что не выполнили своего патриотического долга, теперь работай на врага — на его пользу, к его ликованию. И ничего нельзя было поделаться. Герасимов замыслил даже поджечь Евплус, но англичане пристально следили за русскими, особенно за старшим.

Разразился шторм. Свирепствовала стихия четверо суток.

Лопнул буксир, и ветер разбросал корабли в разные стороны. Потерялись они из виду один у другого.

Корпус «Евплуса» дал течь. Вода прибывала. Пленные выбивались из сил, откачивая воду без всякого даже принуждения к тому. Англичане сначала удивлялись такой покорности, а потом приписали всё своему превосходству и, к великой радости Матвея Андреевича, ослабили бдительность. Именно этого добивался он и на этом строил расчёты, ничем не выказывая непокорного своего характера. Пусть победители думают, будто он смирился с постигшей его участью. Нет, нет и нет! Не удастся врагу поесть дарового хлебушка, не удастся потешиться славушкой. О смелом плане кормщика Герасимова знали уже матросы-соотечественники.

30 августа в пятом часу утра лишь один английский матрос — рулевой находился на палубе. Остальные безмятежно спали в кубрике. Должно быть им и во сне не снилось, как может воспламениться русский характер.

Рулевой за бортом! Остальные «победители» в один миг превратились в пленников. Матвей Андреевич и его товарищи действовали решительно. Они накрепко заколотили выход из кубрика.

— Готовься к повороту! — скомандовал кормщик. — Поворачивай!..

И «Евплус 2-й», поставив все паруса, с попутным ветром весело побежал обратно к берегам Норвегии.

Невесело было англичанам, когда они продрали глаза и сообразили, как обернулось дело. Уговаривали. Пугали. Златые горы сулили. Напрасно.

— Сидите смирно! — получали они один ответ.

Тогда посрамлённые «победители» подняли пальбу, надеясь попасть в кого-нибудь на палубе.

Глупо.

Матвей Андреевич предупредил их:

— Будете палить — жрать не дадим.

Пришлось смириться.

6 сентября «Евплус 2-й» бросил якорь в норвежском порту Вардгужен. Герасимов съехал на берег и попросил союзного с нами норвежского коменданта принять под расписку семь душ военнопленных.

Английский офицер, совершенно безразличный теперь к славе и бесславию, вручил Матвею Андреевичу Герасимову британский флаг вместе с личным оружием: шпагой, кортиком и небольшим кинжалом.

То-то было радостно нашим мореходам возвращаться к родным берегам!..

Сильный кашель вдруг прервал тогда рассказ Поликарпа Евстигнеевича.

— Так-то, мил-человек, — с трудом закончил он преинтереснейшее повествование. — В жизни оно всякое существо стремится к своему гнезду, к своей родине... К тому же воспламенительный характер...

Я проводил старика до дому. По дороге узнал ещё, что эту историю Поликарп Евстигнеевич слышал от своего отца, который в 1831 году присутствовал на похоронах Матвея Герасимова.

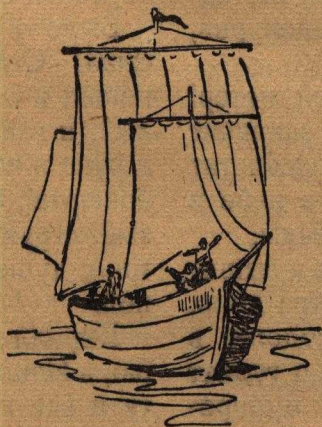
И представьте мою радость. Недавно, работая в библиотеках и архивах, я разыскал несколько напечатанных сообщений и любопытный документ.

Вот какой:

«В Государственную Военную коллегию.

Кольский мещанин Герасимов был отправлен с 8-ю матросами от архангельских купцов Поповых на корабле «Евплусе 2-м» в Норвегию с рожью, был захвачен 19-го прошлого августа, не доходя Нордкапа, английским фрегатом. Англичане, ссадив четырёх матросов на фрегат и поставив на корабле караул из семи вооружённых матросов при офицере, повели его в Англию и, наконец, когда сильною бурею фрегат отнесло на весьма дальнее расстояние, то Герасимов, заколов в каюте спавших шесть человек неприятельских матросов и офицера и сбросив остального с палубы в море, приплыл в город Вардгузен и сдал тамошнему коменданту полонённых им англичан. За сей подвиг его Императорское Величество высочайше повелеть соизволил наградить его, Герасимова, Знаком отличия военного ордена...»

Подписан документ знаменитым генералом Барклаем-де-Толли.

Сказка о ветрах

ДАЛЕКО на севере над Студёным морем жили два ветра — Бурун и Попутный.

Жестокий, коварный Бурун был властителем всего полярного края. Боялись его люди, жившие на побережье.

Увидит Бурун на море утлую рыбацью лодку, наскочит на неё, опрокинет и летит дальше. Промчится по суше, собьёт с ног оленей, схватится сильной рукой за крышу маленького дома, сорвёт её и, вдосталь набедокурив, возвращается домой.

— Эге-гей, Попутный ветер! Эге-гей, мальчишка! — закричит он диким голосом и засвистит так пронзительно, что в небе в испуге гаснут тихие звёзды.

А Попутный ветер не слышит его. Нет Попутного ветра дома, не задерживается он подолгу в холодном дворце. Вечно гуляет он по свету на больших и широких путях.

Был Попутный ветер совсем не похож на Буруна. Отличался добрым нравом и весёлым характером, любил людей, и много

было у него друзей среди рыбаков, живших на берегу Студёного моря.

Но особенно дружил Попутный ветер со Старым Моряком. Много лет жил в полярном краю Старый Моряк. Долго плавал он по морю и знал все его тайны. Беседовали с ним волны, улыбались звёзды, указывая ему путь. А Бурун возненавидел Старого Моряка за то, что учил он людей бороться со свирепыми ветрами.

Было у Старого Моряка два сына. Старший, Кирилл, всем пошёл в отца — и лицом смуглый, и глаз острый, как у орла, и рука железная. Младший, Иннокентий, был тихий, голубоглазый, с руками белыми и нежными, с душой завистливой и жадной.

Кирилл плавал с отцом по морю, а Иннокентий сидел на берегу и всё ждал, не свалится ли ему с неба богатство да счастье.

Часто беседовал с сыновьями Старый Моряк. Рассказывал он им про дальние страны, про сине море. И выходило из всех

его рассказов, что нет моря лучше, чем Студёное, и нет лучше лодки, чем лодка, на которой он ходил свою долгую жизнь.

— Вот умру я, дети, — говорил Старый Моряк, — похороните вы меня поближе к морю, чтобы день и ночь пело оно мне свои песни, когда я буду спать вечным сном. А сами живите дружно, любите моряцкий труд и не поддавайтесь злобному Буруну.

Слушали его сыновья, и каждый думал о своём.

Когда умер Старый Моряк, похоронили его на высоком берегу, и все моряки, находясь ещё далеко в море, видели его могилу и снимали перед ней шапку.

После кончины отца сказал Иннокентий Кириллу:

— Ну что ж, брат, надо нам теперь подумать, что делать будем.

— Будём жить, как наказал нам отец, — ответил Кирилл.

— Нет, — сказал Иннокентий, — не хочу я больше здесь куковать. Суровая здесь земля и море лютое. Разделим лучше имущество, оставленное отцом, да и поступим, кто как знает.

— Ничего мне не надо, кроме лодки, — сказал Кирилл, — остальное бери себе.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — согласился Иннокентий, — хоть и жаль мне лодку, но перечить тебе, как старшему, не могу.

А сам подумал: «Глупый у меня брат. Лодка старая, парус весь в заплатках. А дом я продам за хорошую цену и отправлюсь,

куда подует Попутный ветер. Он меня доставит к богатству и счастью».

Так толковали братья, и не знали, что, сидя в своём дворце, сам с собой рассуждал Бурун:

— Теперь, когда Старый Моряк умер, его сыновья самые опасные из людей для меня. Старик, верно, оставил им секрет, как бороться со мной, и Кирилл откроет его людям, а если и утаит, то Иннокентий не выдержит и продаст из жадности к деньгам. Лучше всего погубить их обоих. С Кириллом-то ещё не так трудно справиться. Только выйдет он в открытое море, соберу я все силы, накинусь на него и потоплю. Но вот как быть с Иннокентием? Будет он отсиживаться дома и никак его оттуда не выманишь.

Задумался свирепый Бурун и долго сидел, опустив голову, скрежеща зубами в бессильной ярости, а потом вдруг как захочет, да как пустится в пляс, так что волны до небес доставать стали.

Далеко от берега, на котором жили рыбаки, находился остров. Налетел Бурун на этот остров, смёл в море бочки с пресной водой и запасы провизии, оставил людей без пищи, и начали они подавать сигналы бедствия.

Увидел эти сигналы Кирилл и сказал брату:

— Поедем, Иннокентий, отвезём людям пресную воду и провизию.

— Нельзя сейчас выходить в море, видишь, Бурун безумствует, — отвечал трусливый Иннокентий, — дожждёмся погоды.

— Нет, — сказал Кирилл, — не могу я ждать, ведь там люди умирают с голода.

И он ушёл смолить лодку и готовиться в трудный путь. А тут скоро и небо осветлилось и солнце проглянуло сквозь тучи. И снова сказал Кирилл Иннокентию:

— Может, теперь ты пойдёшь со мной?

— Не спеши, брат, — отвечал ленивый Иннокентий, — подождём Попутного ветра.

Ничего не сказал ему Кирилл, ушёл, нагрузил лодку бочками с пресной водой и снедью, сел на вёсла и начал грести.

В то время как лодка с Кириллом удалялась от берега, к дому Иннокентия подошёл молодой человек, которого никто раньше не видел в здешних краях.

— Здравствуй, юноша, — сказал незнакомец мягким, вкрадчивым голосом, — скажи мне, не ты ли Иннокентий, сын Старого Моряка?

Не узнал Иннокентий, что перед ним коварный Бурун, принявший человеческий облик, и ответил ему:

— Да, это я, Иннокентий, сын Старого Моряка. А откуда ты знаешь меня?

— Много я слышал о тебе, — продолжал незнакомец. — В нашей стране говорят, что на всём свете нет другого юноши с такими мягкими и белыми руками, как у тебя.

— О какой стране ты говоришь? — спросил Иннокентий.

— Если хочешь, я расскажу тебе о ней.

И коварный Бурун сладким голосом начал напевать песни о прекрасной стране, где круглый год лето, с гор текут ручьи, полные вина, где никто ничего не делает и красавица принцесса мечтает о женихе с мягкими и белыми руками.

— Как же попасть в эту страну? — воскликнул Иннокентий.

— Садись на лодку, подними парус, и Попутный ветер доставит тебя туда.

— Но у меня нет лодки, её взял мой брат.

— Не беда, продай дом и купи лодку.

— Никто не продаст мне лодки. Ты не знаешь наших моряков, они скорее расстанутся с жизнью, чем с лодкой.

— Ладно, я помогу тебе. Я куплю твой дом и продам тебе лодку, потому что ты нравишься мне.

Не торгуясь, Бурун дал Иннокентию много денег, а потом повёл его на берег, где лежала новенькая лодка с белоснежным парусом.

Иннокентий купил лодку, спустил её на воду и даже не посмотрел, нет ли в ней течи и крепки ли снасти.

— Может, ты поедешь со мной? — спросил он у незнакомца.

— У меня ещё есть тут дела, — ответил Бурун, — но я не хочу оставлять тебя одного. Я поеду с тобой.

Путешественники вошли в лодку, и Иннокентий попросил Буруна сесть на вёсла, потому что боялся намозолить свои нежные белые руки.

Быстро начал грести коварный
Бурун, спеша вывести лодку в
открытое море, но Иннокентию

так не терпелось скорее попасть
в прекрасную страну, что ему
казалось, будто бы они движут-

ся очень медленно. Он всё время подгонял гребца и, наконец, воскликнул:

— Как тихо мы едем! Попутный ветер, помоги мне!

— Я здесь! — загремел страшным голосом Бурун и, выскочив из лодки, принял облик ветра.

— Я здесь, встречай меня!

С этими словами он схватил парус, порвал его в клочки, ударил по лодке так, что она закричала и развалилась, и Иннокентий очутился в воде.

— Ну что ж, рад ты видеть меня? — бесновался Бурун. — Доволен ты встрече со мной?

Ничего не ответил ему Иннокентий. Он барахтался в воде, стараясь всплыть на поверхность, но его слабые руки не могли справиться с волнами.

— Помогите, помогите! — молил Иннокентий.

Яростно взревел Бурун и, подняв высокую волну, ударил ею Иннокентия так, что нежный красавец вместо прекрасной страны отправился на дно.

— С одним покончено! — ликовал Бурун. — Теперь можно приняться и за другого.

И он полетел вдогонку за Кириллом.

Кирилл в это время был далеко от родного берега. Он грёб, не щадя сил, пот струями катился по его лицу и кровавые мозоли появились на ладонях, но он не замечал их. Он думал только о том, как быстрее добраться до острова, где голодают люди.

— Скорей, скорей! — торопил он себя, налегая на вёсла.

— Не спеши, Кирилл, не спеши умирать, — взревел Бурун,

вырастая перед ним, и кинулся на лодку, стремясь одним ударом опрокинуть её.

Сильно натянул снасти Кирилл, вздулся парус и принял широкой грудью удар Буруна. Отлетел Бурун в сторону и даже заохал от боли.

Рассмеялся Кирилл и сказал:

— Убирайся прочь, Бурун! Не боюсь я тебя. Я — сын Старого Моряка. Не победил ты моего отца, не победить тебе и меня.

Развернулся Бурун, собрал все силы, бросился снова на лодку, ударил её в бок. Застонала лодка, но выдержала удар и только одно весло сломалось. Обрадовался Бурун своему успеху и торжествующе засвистел:

— Покорись, Кирилл, покорись! Пообещай мне, что никогда больше не будешь плавать по морю и учить людей бороться со мной. Пообещай, что никому не откроешь секрета твоего отца, и я пощажу тебя.

— Убирайся прочь, злой старик! — ответил Кирилл. — Отец мой воевал с тобой и я воюю и дети мои будут воевать. Не боюсь я тебя!

— Так погибай же здесь, мальчишка! — завопил Бурун и, подняв волну, обрушил её на лодку.

Ещё крепче натянул снасти паруса Кирилл. Словно птица, взметнулась лодка на гребень волны, скользнула вниз и скрылась в пене морской.

— Вот и с этим покончено, — ликовал Бурун.

Но море, любившее Кирилла, крепко прижало его к своей гру-

ди и, вложив в него новые силы, выпустило из своих объятий.

Но когда рассеялась пена, заметил он, что цела лодка, жив моряк и, налегая обеими руками на последнее весло, уходит вперёд.

В это время пролетал мимо Попутный ветер. Увидел он, как борется Кирилл, подлетел к лодке, сильным дружеским толчком подтолкнул парус в спину, и ещё дальше ушла лодка от Буруна.

— Кто это шутит со мной? — разгневался Бурун.

— Это я, — весело отозвался Попутный ветер и опять подтолкнул лодку с Кириллом.

— Как ты смеешь, негодный, вмешиваться не в свои дела?

— Не злись понапрасну, Бурун, — откликнулся Попутный ветер и снова подтолкнул лодку с Кириллом.

Ещё больше разъярился Бурун. Помчался он, обогнал лодку, хотел было ударить её в лоб, но быстро повернул руль Кирилл, и Бурун со всего размаху угодил в воду, а Попутный ветер ещё раз подтолкнул лодку.

Кинулся на него Бурун, хотел подмять под себя, но тот увернулся, и Бурун пролетел мимо.

— До свиданья, Кирилл! — воскликнул Попутный ветер,

увидев, что лодка с Кириллом подходит к берегу и люди бегут ей навстречу.

Причалив к берегу, вышел из лодки Кирилл, утёр пот и широко зашагал к людям.

Всё это видел яростный Бурун, но ничего не мог поделать.

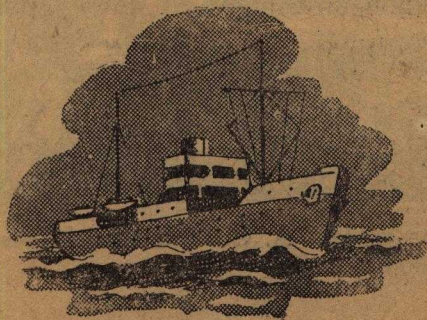
Много лет прошло с тех пор, как сражался храбрый Кирилл со злобным Буруном.

Цел ещё тот дом, который продал трусливый и жадный Иннокентий. Живёт в этом доме пра-пра-праправнук Кирилла капитан дальнего плаванья с женой и двумя сыновьями. Часто рассказывает капитан детям о подвигах Старого Моряка и о свирепом Буруне и Попутном ветре.

Постарел Бурун, не под силу ему бороться с мужественными людьми, победившими полярный край.

А Попутный ветер по-прежнему бродит по всему свету. Появляется он то здесь, то там. Но напрасно ждёт его тот, кто сидит сложа руки.

Помогает он рыбакам, спешащим в трудный рейс, и учёным, совершающим открытия, и сейчас сидит он у меня за спиной и подгоняет меня, чтобы я скорее закончил эту сказку.

Как у Сени ноги поссорились

Сеня в первый раз катается,
Приручить коньки пытается.
А катание не спорится,
Потому что ноги ссорятся.
Заявила левой правая:

— Покачусь одна на славу я. —
— Не могу смотреть без гнева я
На тебя, — сказала левая.

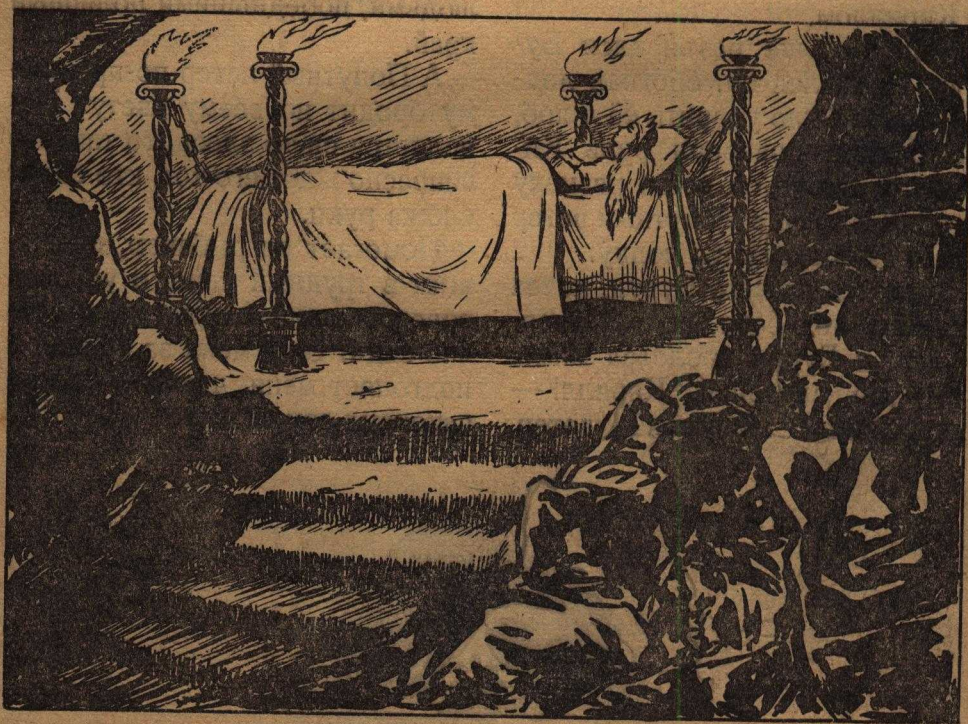
Говорят, конечно, вздор они
И зачем-то едут в стороны...

Дайте срок — придёт умение:
Ноги так дружить научатся,
Что у Сени, без сомнения,
Даже вальс на льду получится.

Г. ТУМАРИНСОН

СЕМЬ БОГАТЫРЕЙ

(Загадочная картинка А. Илючека)

Эта картинка из сказки А. С. Пушкина. Царевну вы видите, а где семь богатырей? Найдите их.

НЕДРЕМЛЮЩИЙ ЛЕС

(Главы из повести)

Содержание предыдущих глав

Во время фашистской оккупации Брестской области партизанам помогали два мальчика — Володька и его друг Коля Гайшик. Вначале они собирали для народных мстителей брошенное оружие, а потом Коля доставлял в соседнее село Ивацевичи, где находилась немецкая комендатура, листовки, пряча их в бидоне с молоком. Как ни следил за Колей предатель Козич, мальчик успешно выполнял задания партизан.

Наступила весна. Однажды отец Коли, Василий Демьянович, вернувшись из Яблонки, сказал сыну: «Завтра пойдёшь в Ивацевичи, понесёшь молоко. С тобой пойдёт Еленка. Она понесёт яйца для продажи».

Утром Коля вместе с Еленкой направился в Ивацевичи. Еленка сумела проникнуть в здание управления войта и подложить мину, спрятанную в лукошке с яйцами.

Коля ждал Еленку в условленном месте. Вскоре в посёлке, который они только что покинули, за клубился дым. При взрыве погибли трое старост.

Фашисты решили похоронить предателей пышно. Из Барановичей был вызван военный оркестр.

Но пышные похороны не состоялись. Планы фашистов рушились: оркестр из Барановичей не приехал. Чтобы спасти положение, Козич сбежал за гармонистом Петрусем. И вот, наконец, процессия двинулась. Когда она пришла на кладбище, подъехали два грузовика, в которых привезли арестованных, схваченных на улице после взрыва.

Петрусь не отрываясь смотрел на девятерых, стоящих в кольце автоматчиков. — Играй! — сказал кто-то. И Петрусь заиграл: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Петрусь играл для тех девятерых, и они поняли его, выпрямились и стали плечом к плечу.

Да здравствует Советская власть!

ПЕТРУСЬ возвратился с кладбища один. Вошёл в избу. Поставил на лавку у дверей футляр с баяном. Ребята возились возле печи, двигая по разошедшимся половицам щепки — танки. Варвара чистила картошку, сидя на низеньком чурбане.

Продолжение. Начало см. №№ 2-3—11

Петрусь вошёл, она подняла голову и посмотрела на него воспалёнными от слёз и бессонницы глазами.

Петрусь отвернулся. Ни на кого не глядя, прошёл в угол. Сел на лавку. Уставился в противоположную стену, будто слепой.

— Ты что, Петрусь?

— Уйду... — он скрипнул зубами. — Не могу тут больше. Нервов нету. — И вдруг крикнул на ребят, по-

петушину срывая голос: — Да бросьте вы щепками возить!..

Ребята замерли от неожиданности. У Виташки задрожали губы. Петрусь обхватил голову руками и застонал.

— А ну-ка, идите-ка во двор. Погуляйте, — сказала Варвара ребятишкам. — Видите, хворый дяденька...

Она выпроводила ребят в сенцы, плотно прикрыла дверь и села рядом с Петрусем, опустив руки на колени, сжимая черенок короткого источенного ножа.

— Прости, тётя Варвара, — тихо сказал Петрусь. — Сердце горит на тех душегубов... Мочи нет... Девятерых сейчас вот расстреляли на кладбище... И не знакомые, а будто в тебя пули... — Петрусь постучал кулаком по груди и протяжно вздохнул.

Варвара молчала, опустив голову, будто вслушиваясь в наступившую тишину. Хрустнула возле печки ссохшаяся половица.

— Уйду... — сказал Петрусь. — Не могу я в пивной играть... Не гармонь — автомат рукам треба! — Он встал. — Тётя Варвара, ты мой инструмент схорони до поры. Больно приметная штука — ящик...

Варвара кивнула.

— А придёт этот, скажи, за нотами подался. Скоро, мол, вернись.

Варвара снова кивнула.

— Ну, прощай! Не поминай, как говорится, лихом.

Петрусь ушёл, оставив у Варвары гармонь и свой вещевой мешок.

Не прячась, направился прямо к заставе. Предъявил часовым пропуск и размеренно зашагал по шоссе.

Козич вернулся домой час спустя после ухода Петруся. Вошёл в избу, огляделся.

— А Петрусь не приходил?

— Приходил, — нехотя буркнула Варвара.

— Где ж он?

— Ушёл.

— Куда?

— Домой.

— Толком говори! — крикнул Козич.

— Не ори, — зло сказала Варвара, — лопнешь.

— У-у-у!.. — Козич замахнулся.

Варвара посмотрела прямо в его белёсые глазки и сжала рукоять ухвата так, что пальцы побелели.

— Но-но! — Козич отступил на шаг. — Куда он пошёл?

— Сказано: домой.

Козич сел на лавку. Сцепил пальцы.

— Зачем?

Варвара погремела ухватом.

— Ноты какие-то забрать.

— Ноты?... А гармонь?

— Вон она, гармонь, ослеп, что ли?

— Не дерзи! — крикнул Козич и тотчас притих. «А что если Петрусь не вернётся? Ведь господин Вайнер...» Козич почувствовал, как пополз по спине неприятный холодок.

— Петрусь ничего не сказал?

Варвара уловила в голосе Козича дрожь и, чтобы досадить ему, притворилась, что не слышит вопроса.

— Петрусь ничего не сказал?

— Сказал.

— Что?

— Что за нотами идёт.

— А вернётся-то когда? Вернётся?

Варвара видела, как встревожил Козича уход Петруся. Ей очень хотелось крикнуть Козичу в лицо, что Пе-

трусь ушёл в лес, к партизанам, что вернётся не скоро, а когда вернётся, ему, Козичу, будет не сдобровать и начальникам его не сдобровать, всей своре поганой не сдобровать!.. Но она сдержалась. Она понимала, как важно, чтобы сейчас Козич был спокоен, чтобы вслед за Петрусем не помчалась погоня. Надо дать Петрусью уйти в лес. И она сказала:

— К вечеру обещаюсь.

До вечера просидел Козич у окна. Петрусь не вернулся. Всю ночь ворочался Козич на жёсткой постели, вздрагивая от малейшего шороха. Утром, бледный, с ввалившимися глазами, он казался больным.

Что же делать? Докладывать Вайнеру или нет? Не доложишь — он всё равно узнает об исчезновении Петрусьи и тогда его, Козича, пытать будут, могут обвинить в соучастии, поведут на кладбище, как тех девятерых... Рубашка прилипла к телу. Козич сжался, стал похожим на загнанную в угол мышь. Лучше доложить... Доложить... А вдруг он не поверит? Вдруг прикажет взять?..

— Варвара, не вернулся Петрусь?

Варвара усмехнулась:

— Сами видите.

Козич ждал до полдня. Потом, забыв шапку, выскочил за дверь и торопливо засеменял по улице. Скорей, скорей, может, ещё не поздно... Жуткий, животный страх гнал его, одеревеневшие ноги, казалось, двигались сами, будто спрятан был в них какой-то механизм.

Так и добежал Козич до избы за колючей проволокой. Его пропустили.

Вайнер по его виду догадался: что-то произошло. Он сдвинул брови и сказал тихо и угрожающе:

— Берегитесь, Козич...

У старика будто отнялся язык. Он стоял перед Вайнером тяжело дыша и молчал.

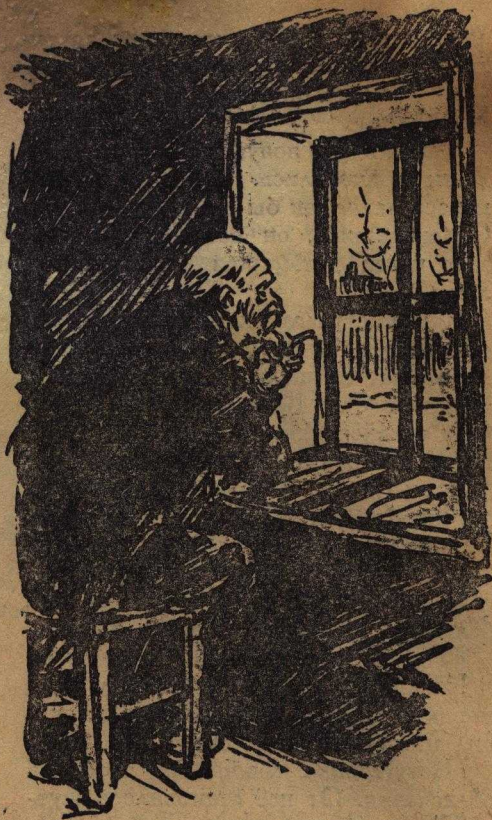
— Выпейте воды, — Вайнер кивнул на графин.

Козич не понял. Глотнул воздух, как выброшенная на берег рыба.

Вайнер нетерпеливо постучал ладошкой по столу.

— Ну!..

— Ушёл! — хрипло выдохнул Козич.

— Кто?

— Гармонист... За нотами...

— Ну!..

— Ушёл...

Вайнер понял.

— Когда?

— Вчера... С кладбища...

— Зо-о...

Вайнер посмотрел на Козича так, что тому захотелось провалиться сквозь пол, только бы не видеть этих холодных, беспощадных глаз.

— Обещал вернуться... — невнятно забормотал Козич. — Обещал... к вечеру... До се нет...

— Слушайте меня внимательно, Козич, — размеренно, чётко выговаривая каждый слог, сказал Вайнер. — Если ваш гармонист не будет возвращаться до завтрашнего вечера, я прикажу спустить вашу шкуру и набить из неё чучело соломой. Вы понимаете, что я не шучу? И не вздумайте тоже бежать. Я вас найду даже из-под землёй.

Козич не помнил, как вышел на улицу, как добрёл до дому. Его тряс-

ло, в глазах рябило, медленно крутились какие-то голубые мухи.

— Петрусь пришёл?

— Нет.

Козич вдруг почувствовал слабость. Ноги подкосились. Если бы не попала лавка, он бы сел прямо на пол. Отдышавшись, он встал, на нетвёрдых ногах дотащился до постели и лёг.

Гулко стучали ходики на стене: «так-тик», «так-тик», «так-тик» — мерно отсчитывали секунды жизни. Что им! Они бездушны и холодны. Они останавливаются, но стоит подтянуть гирию и снова оживёт маятник.

«Так-тик», «так-тик», «так-тик»...

Никогда они не стучали так громко. Каждый их удар отдаётся в голове.

«Так-тик», «так-тик», «так-тик»...

А в Вольке в саду цветут яблони белым и розовым... Пахнет мёдом...

«Так-тик», «так-тик», «так-тик»...

Не выдержав, Козич вскочил с постели, бросился к ходикам и остановил маятник. Потом снова лёг.

Наступившая тишина не принесла облегчения. От неё становилось жутко. Будто он уже умер и изба — просторный деревянный гроб.

Козич зарылся головой в подушку и зарыдал.

Потом он притих. За окнами начало темнеть. Варвара молча поставила на стол горшок с варёной картошкой, хлеб и огурцы.

Ребятишки, поужинав, забрались на печку.

А Козич всё лежал и лежал. Озноб прошёл, но вставать не хотелось.

Наконец Варвара потушила керосиновую лампу. Козич слышал, как забиралась она на печь, что-то сказала ребятишкам, повозилась немного.

Потом в избе стало тихо. Слышно было только дыхание спящих.

Козич встал, на ощупь надел сапоги, вышел в сени, откинул щеколду. Она звякнула жалобно.

В тёмном небе мерцали звёзды. Было прохладно и тихо. Козич присел на ступеньку. Свежий воздух бодрил, но бессонница давала себя знать, двигаться не хотелось.

Мысли не скакали лихорадочно, как днём, а ползли лениво, будто улитки, такие же, как они, пугливые и холодные, такие же скользкие.

День прошёл, а Петрусь не вернулся. Осталось меньше суток. От Вайнера пощады не жди!.. Надо найти Петруся. Может, он дома, в Яблонке... Страшно идти... Там — партизаны... А может, и нет их там, а Петрусь дома? Да если и схватят, можно сказать, что бежал. Хотели, мол, схватить за укрывательство Петруся... Всё одно пропадать. От Вайнера по-

щады не жди!.. А если Петрусь дома, — упрощу вернуться... Только бы его застать!.. Если к утру не вернётся — пойду... Всё равно от Вайнера пощады не жди!..

Козич вернулся в избу, лёг и забился тревожным сном... Проснулся на рассвете. Петрусь не было.

Козич торопливо пожевал холодной картошки. Выпил ковшик воды и, надев пальто, вышел на улицу.

Шёл крадучись, испуганно озираясь. Вдруг Вайнеру доложат, что он, Козич, сбежал? Тогда Вайнер прикажет найти его и доставить живым или мёртвым. И никуда не спрячешься... Надо найти и вернуть Петрусь...

И Козич зашагал быстрее. Вот и застава. Кто-то в штатском закуривает с часовыми. Знакомая спина...

Козич подошёл ближе.

— Хальт! — приказал часовой.

Человек в штатском обернулся.

— Почтение, Тарас Иванович. От супруги поклон.

— Петрусь! — У Козича перехватило дыхание. — Петрусь! — Он ухватился за рукав Петруся, будто боясь, что он исчезнет. — А я тебя искать...

Петрусь поднял брови.

— А чего меня искать?

Козич понял, что сказал на радостях лишнее. Э, да что там таиться... Вернулся ж Петрусь! Живём!

— Думал, может, беда с тобой какая приключилась...

— Выручать шёл?

— Вот-вот...

— Спасибо, Тарас Иванович... Век не забуду. Ауфвидерзеен, — попрощался Петрусь с солдатами. — Пошли.

Он взял Козича под руку, и они пошли в посёлок.

— Я целый день ховался в лесу, — рассказывал Петрусь. — Непокойно кругом. Пристрелить могут в расцвете лет. А у меня — талант артиста. Жалко его менять на дырочку в башке... Играю я на кладбище похоронное, а чего играю — сам не знаю. Импровизирую. Чуете, какое слово? Терминология! Из настоящих маршей я только «Жертвою пали» хорошо знаю. А маршик-то большевистский.

Заметили? Думаю про себя: — Петрусь, начальство могут быть недовольны. Вдруг ещё кого приведёт бог хоронить, а играть-то нечего! А у меня натура артистическая. У меня талант. Мне без хороших похоронных маршей никак нельзя служить Великой Германии! Дай, думаю, махну за нотами. Одна нога здесь, другая там. И махнул. А что задержался, так кому охота талант и жизнь на дырку в голове менять! Очень даже смешно. — Это верно ты рассуждаешь. Есть у тебя закваска. Ноты-то принёс?

Петрусь засмеялся:

— А как же... Вот они, — он хлопал по свёртку, который нёс под мышкой. — Похоронные марши, Шопен, Бетховен, Европа. Культурочка... Это вам не «Жертвою пали». И салтыце вам. Супруга прислала.

— Заходил?

— А как же! Специально крючок дал.

— Спасибо, Петрусь. Уважил старика. Спасибо.

Последние сомнения Козича рассеялись. Он шёл рядом с Петрусем счастливый, будто удалось ему вернуться с того света. Господин Вайнер будет доволен.

Успокоился и Петрусь. Он понимал, что уход его не мог остаться не-

замеченным. И не знал, как встретят его по возвращении. Но, судя по Козичу, всё обошлось. Видимо, он, Петрусь, им нужен. Это хорошо.

Назад, в Ивацевичи, вела его та же сила, что толкала отсюда в лес. Только выросла эта сила и окрепла.

Двое суток назад, покинув посёлок, Петрусь направился было в Яблонку, но раздумал: Козич мог заподозрить неладное, послать погоню. Где ж и искать прежде всего Козичу, как не в Яблонке, в родной избе Петрусы.

Он свернул с шоссе на просёлок, миновал болото и тропкой направился в Вольку, решив обойти село полем и, если удастся, выйти прямо к избе Гайшиков, что стояла ближе всех к лесу на краю села.

У Гайшиков он рассчитывал отсидеться до ночи и с помощью Коли дать знать Еленке о своём возвращении. Ночью повидаться со своими и с рассветом податься в лес, в отряд.

Но подойти незаметно к избе Гайшиков оказалось невозможным: в поле работали. Пришлось укрыться на краю леса и ждать темноты. Петрусь выбрал местечко посуше и прилёг.

В это время Коля сидел на крыльце и строгал перочинным ножом из липового полена ложку. Ложка выходила кособокон, неровной, но это его ничуть не смущало. То и дело отрываясь от работы, он внимательно поглядывал по сторонам — не идёт ли кто?

Солнце присело отдохнуть на вершины деревьев. От жара его над лесом вспыхнула алая полоса. Потом солнце быстро начало скрываться.

Вот уже над лесом виднеется только яркий серп, вот и он исчез. Густеет заря и тоже тает.

На крыльцо вышел Василий Демьянович.

— Порядок?

— Порядок.

— Давай ставни закрывать.

Коля поднялся, сунул в карман ножик и недоделанную ложку.

Они обошли избу, наглухо закрывая наружные ставни. Потом оба поднялись на крыльцо. Звонко щёлкнула щеколда входной двери.

Тотчас засветились сердечки в ставнях и погасли одно за другим. Видно, окна завесили изнутри.

Предосторожности Гайшиков были не случайны. В избе за столом сидел товарищ Мартын. В углу, на лавке, — ставшие неразлучными Сергей и Ванюша.

Товарищ Мартын кивнул.

Коля присел на лавку возле Сергея, вытащил из кармана свою кривую ложку.

— Покажи-ка, — Сергей взял ложку, повертел в руках, хмыкнул неопределённо. — Этой ложкой из-за угла есть можно...

— Почему?

— Кривая, — он засмеялся, подтолкнул Ванюшу в бок. — Слышь, Ванюша, а ведь я знаю, о чём задумался.

Ванюша удивлённо поднял брови и посмотрел на товарища.

— О ложке, — изрёк Сергей.

Ванюшины брови поднялись ещё выше.

— Конечно, не о такой. Зачем тебе кривая ложка? В лесу углов нет.

А мечтаешь ты, Ванюша, о ложке с дырочками.

— Как это с дырочками? — спросил Коля.

— Очень просто. Чтоб жижка стекала, а гуща оставалась. Он поест любит плотненько!

Брови Ванюши встали на место, он усмехнулся и покраснел.

— Видишь, — сказал Сергей строго, — краснеет. Значит, совесть имеет.

— Отчепись, — буркнул Ванюша и зевнул.

— Спать хочешь?

— Не...

— А то, может, соснёшь минуточек шестьсот?

— Не...

— Знаешь, за что я его люблю? — повернулся Сергей к Коле. — За разговорчивость. С ним поболтать одно удовольствие. Так и мелет, так и мелет.

Сергей и Коля засмеялись.

— Да угомонитесь, вы, — сказал Василий Демьянович. — Человеку работать мешаете.

— Нет-нет, мне никто не мешает, — товарищ Мартын поднял голову. — Надо будет, Василий Демьянович, точно выяснить, сколько засеяно колхозниками здесь, в Вольке, в Яблонке и в Забайлах.

— Хорошо.

— Сколько земли под хлебом, сколько под картофелем. Мы всё должны взять на учёт. Убрать и спрятать помогут партизаны. А на учёт каждое зёрнышко надо брать. Мы здесь хозяева. Нам и людей кормить и семенным фондом будущую весну обеспечивать. Ясно?

— Ясно, — Василий Демьянович улыбнулся. — С вами поговоришь, будто и не ушла советская власть.

— Она и не уходила, — строго сказал товарищ Мартын. — Кто она есть, советская власть? Ты, он,

я — мы все. И пока хоть один из нас, советских людей, ходит по советской земле — советская власть нерушима. И всё здесь будет подчиняться ей и только ей. А ты, как думаешь, Микола, — вернулся он к Коле, — может Гитлер нас всех до одного истребить?

— Ни в жисть!

Мартын кивнул:

— Правильно. Вот и выходит, что советская власть жива и жить будет вечно!

В окно постучали тремя двойными ударами.

Товарищ Мартын посмотрел на Василия Демьяновича. Сергей и Ванюша повернули головы к окну.

— Три двойных, — шёпотом сказал Василий Демьянович. — Старый сигнал. Это не из лагеря.

— А ну, хлопцы, ховаемся за занавеску, — товарищ Мартын встал, вытащил из кармана пистолет. — Ес-

пит. Сегодня старост хоронили, а потом девятерых там же на кладбище... из автоматов... Сил нет терпеть! Обратно в отряд иду. Пускай автомат дают. Не могу больше немцев гармошкой потешать.

ли незваные гости, придётся встретить.

Ванюша бесшумно взял стоявший рядом автомат. Сергей последовал его примеру, и все трое скрылись за занавеской, из-за которой только что появилась Ольга Андреевна.

— Ольга, зажигай лампаду, гаси лампу!

Василий Демьянович не торопясь пошёл в сени.

Ольга Андреевна зажгла лампаду и погасила лампу. Комната погрузилась в полумрак, по стенам поползли бледные и длинные трепещущие тени.

— Кто там? Кто?..

Лязгнула щеколда.

— Проходи.

Снова лязгнула щеколда. Василий Демьянович закрыл входную дверь и вошёл в комнату за Петрусем.

— Ольга, зажги лампу! — громко сказал Василий Демьянович. — Петрусь Борисевич до нас пришёл. — Он покосился на занавеску, там никто не двинулся. — Сидай, Петрусь! А я слышал, ты в Ивадевичах.

— Был, — Петрусь сел. — Ушёл.

— Почто?

— Сил нет. Душа больше не тер-

Кто-то резко отдернул занавеску, и Петрусь увидел стоящих за ней.

— Товарищ Мартын! — воскликнул он обрадованно.

Мартын руки не подал. Шагнул к столу. Сел. Сергей и Ванюша встали за его спиной.

— Докладывайте.

Петрусь начал рассказывать, но товарищ Мартын остановил его жестом:

— Встаньте! Я — представитель командования, а товарищ Сергей — заместитель командира отряда.

Петрусь встал, опустил руки, покраснел.

— Виноват.

— Докладывайте.

Петрусь, волнуясь и проглатывая слова, рассказал о похоронах старост, о расстреле девяти.

— С ними баба была... женщина... И мальчонка... Женщина плакала. А мальчонка ничего... Держался. Кулач-

ки сжал... Такое один раз увидишь — на всю жизнь сердце обожжёт. Дайте мне автомат, товарищ Мартын, винтовку, пистолет, хоть палку в руки!.. Я их крушить буду нещадно!..

Товарищ Мартын поднялся. Постоял молча, опустив голову.

— Горе, горе ходит по земле, — тихо сказал он. — Кровь и слёзы. — Он сдвинул брови и поднял голову. — Ну, ничего, близок час. Сторицею заплатят!.. Земля будет гореть у них под ногами! — Он сел.

Сел и Петрусь.

— Я вам разрешил садиться? — сердито крикнул Мартын.

Петрусь снова вскочил.

— Кто вам позволил покинуть Ивацевичи?

— Так ведь душа ж...

— Я не про душу вас спрашиваю. Кто вам позволил покинуть Ивацевичи?

Петрусь опустил голову.

— Никто.

— Значит, вы сделали это самовольно?

Петрусь молчал. Коля заметил, как лоб его покрылся мелкими капельками пота. Стало жаль Петруся. Ведь и он, Коля, не выдержал бы, пожалуй, если бы при нём расстреливали людей, женщин.

— Как представитель командования, — жёстко сказал товарищ Мартын и встал, — за самовольный уход с боевого задания я вас арестую.

Петрусь поднял голову. Взгляд его стал растерянным.

— Сдайте оружие!

— У меня... нет... оружия, — с трудом выдавил он.

Коля вздохнул, переводя дух.

— Тогда, по-солдатски, ремень снимай, — сказал Сергей.

Петрусь неловко снял ремень с брюк и положил на стол.

— Садитесь, Борисевич, — сказал товарищ Мартын.

Петрусь сел, опустил голову.

— Встань возле него с автоматом! — приказал Сергей Ванюше.

Ванюша встал возле Петруся.

Наступило молчание, неловкое, гнетущее.

— Видите, как нехорошо получилось, Борисевич. Были вы бойцом партизанского отряда. К награде вас хотели представить за операцию в управлении войта... — товарищ Мартын помолчал, потом спросил:

— Что будем делать с арестованным?

— Может, он того... очухается, — сказал Василий Демьянович.

— Надо у него спросить, — предложил Сергей, — как о себе понимает?

— Вот вы интеллигентный человек, артист, советский партизан, — сказал товарищ Мартын. — Как вы думаете, без твёрдой, железной дисциплины сможем мы победить врага?

— Нет, — хрипло ответил Петрусь.

— Вы комсомолец?

— Да.

— Как вы думаете, как к вам относятся товарищи по комсомолу?

Петрусь не ответил.

— Прямо не знаю, что с вами делать, арестованный Борисевич! —

— Вообще-то дезертиров расстреливают, — сказал Сергей. — Но, принимая во внимание его боевые заслуги, я так думаю, что его расстреливать не надо.

— Ясно, не надо! — вырвалось у Коли.

— Ты так думаешь?

— Так, — Коля кивнул.

— Ну что ж, будь по-вашему. Отпустим его на все четыре стороны. Вы куда направитесь, Борисевич?

Петрусь помолчал немного. Потом поднял голову:

— Обратно в Ивацевичи.

— А не поздно?

— Нет. Я гармонь там оставил. За нотами ушёл. Возьму ноты — и обратно.

— Значит, осознали?

— Осознал.

— Забирай свой ремень, а то штаны по дороге свалятся, — усмехнулся товарищ Мартын. — Наука тебе наперёд.

Петрусь торопливо надел ремень.

Сергей хлопнул его по плечу:

— Вот, брат, как бывает, как случается порой.

— Теперь к делу, — сказал товарищ Мартын. — По поводу расстрела надо выпустить листовку. Надо объ-

яснить людям, что фашисты расстреливают нас не от силы, а от страха. Они боятся нас. Они рассчитывают пулями остановить, рассеять могучее движение народных мстителей.

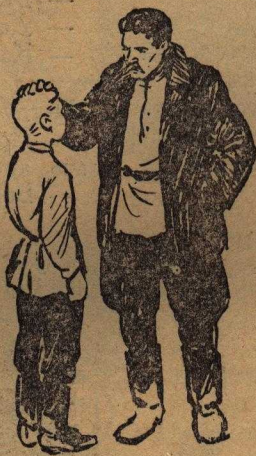
— Но мы плюём на их пули, — добавил Петрусь. — Мы будем мстить без пощады. Днём и ночью!

— Да здравствует Советская власть! — звонко сказал Коля.

Товарищ Мартын потрепал его волосы:

— Правильно мыслишь, партизан!

(Продолжение следует)

Огонёк

Не в некотором царстве,
А в нашем государстве
Живёт в степном колхозе,
На взгорке, древний дед.

И слух идёт в народе,
Что при плохой погоде
У старика в избёнке
Всю ночь не гаснет свет.

В степи перед бураном
Темнеет очень рано.
Село во мраке тонет,
Один лишь огонёк
Сверкает из оконца,
Как маленькое солнце.

Вздохнёт прохожий редкий:
— Дед спать опять не лёг.
И что ему не спится,
Зачем старик тряпицей
Окошко протирает,
Когда вокруг все спят?

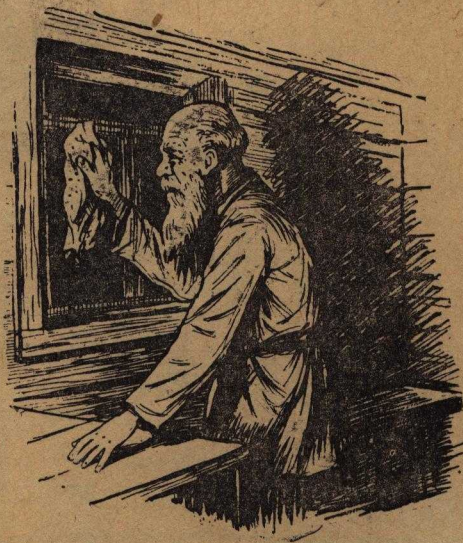
На что он тратит ночи,
Узнать хотелось очень.
Всех это волновало,
Особенно ребят.

Вот снова ночь, и выюжица
У самых окон кружится,
И дед лучиной тонкою
Снял с фитиля нагар.

Светлей в избёнке стало.
Старик вздохнул устало,
Сухих еловых шишек
Подбросил в самовар.

Второй хозяин хаты —
Огромный кот мохнатый
Присел на лавку к деду.
Глаза — как две луны.

А за окном метелица,
Сугроб к сугробу стелется,
То слышен свист протяжный,
То звон тугой струны.

А утром, на рассвете,
Вновь спор зашёл о деде.
...— Авдеиха сказала,
Что тьмы боится дед...

В рубахе длинной, в валенках,
Дед за столом, как маленький,
Прихлёбывал из блюдечка
Душистый, крепкий чай.

— А ночи нынче долгие,
Морозы злые, колкие, —
Напомнил деду Вовка,
Как будто невзначай.

— Да, вот уж больше месяца
Ночами вьюги бесятся.
А ну, кто заплутается
Да в этакую ночь!

Дед сдвинул брови строже:
— Беда случиться может.

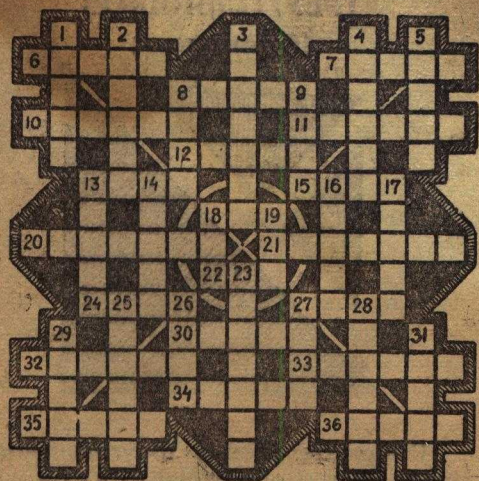

Снега, дорог не видно.
Как путнику помочь?

А мой-то дом на взгорке.
Увидит и незоркий
Огонь в моём оконце.
Вот и беды как нет. —

И дед заулыбался,
А Вовка догадался,
Зачем старик ночами
В избе не гасит свет.

По горизонтали. 6. Пёстрая лесная птица. 7. Стихотворный размер. 8. Произведение Ю. Тынянова. 10. Снаряд для запуска искусственного спутника Земли. 11. Тонкая, мягкая, окрашенная кожа. 12. Печь для выплавки металла из руды. 13. Элемент из группы галоидов. 15. Город в Турции, близ нашей границы. 18. Предмет спортивного инвентаря. 20. Часть удочки. 21. Оценка успеваемости, которой мы от души пожелаем избежать нашим читателям. 22. Старинное боевое и охотничье оружие. 24. Лестница на корабле. 27. Типографский сплав. 30. Садовое растение. 32. Французский естествоиспытатель, изобретатель спиртового термометра. 33. Земельная мера. 34. Учебное пособие. 35. Вторичная горная порода. 36. Небольшая птица, похожая на ласточку.

По вертикали. 1. Торгово-промышленная часть древнерусского города, расположенная вне городской черты. 2. Ударение. 3. Средневековые изыскания способов превращать простые металлы в драгоценные. 4. Один из проливов между Чёрным и Средизем-

ным морями. 5. Заяц. 8. Отдельный снимок на киноленте. 9. Подать натурой, взимавшаяся в старину татарскими ханами. 13. Плод. 14. Варёное льняное масло для разведения красок. 16. Объявление. 17. Великий английский писатель-сатирик. 18. Портное сооружение. 19. Талон из кассы с обозначением заплаченной суммы. 23. Отверстие в коже растения для испарения и газообмена. 25. Починка. 26. Место стоянки и ремонта городского транспорта. 27. Промысловая птица, славящаяся ценным пухом. 28. Ива. 29. Планета солнечной системы. 31. Средство связи.

Из слова — фраза

(Литературная забавка)

Напишите слово

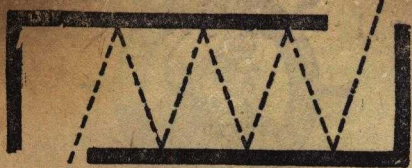
СЛИВА

Замените одну из букв другой так, чтобы получилось второе слово.

Замените ту же самую букву ещё раз, чтобы получилось третье слово.

Из всех трёх слов составьте предложение.

ФУТБОЛИСТ НА ТРЕНИРОВКЕ

Футболист послал мяч в ворота, как указано пунктиром. Мяч 6 раз отразился от стенок и вышел в другие ворота.

Где должен стать футболист и в каком направлении послать мяч, чтобы он прошёл двое ворот, отразившись от стенок наименьшее число раз?

«ФЛАЖОК»

(Составила Ира Грязева)

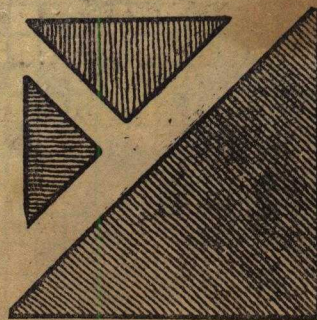

Разрежьте фигуру на шесть частей и сложите из них... название произведения А. Гайдара.

НЕСКОЛЬКО «СКОЛЬКО»

1. Сколько колёс у двухколёсного велосипеда?
2. Сколько граней у шестигранного карандаша?
3. Сколько углов у пятиугольной звезды?
4. Сколько цифр требуется для нумерации страниц в журнале, если в нём 64 страницы?

ВОСЕМЬ ТРЕУГОЛЬНИКОВ (Я. Алексеев)

Вырежьте восемь треугольников, подобных изображённым на рисунке (2 больших, 4 средних и 2 малых), и сложите из них букву. Какую — догадайтесь сами.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 11)

КРОССВОРД «ЧЕТЫРЕ БУКВЫ»

1. Ядро. 2. Трек. 3. Краб. 4. Грач.
5. Корт. 6. Барс. 7. Бокс. 8. Сруб.
9. Скат. 10. Брод. 11. Кета.
12. «Овод». 13. Шпат. 14. Тент.
15. «Новь». 16. Свод.

СКОЛЬКО НУЖНО СПИЧЕК?

$$(625 + 1) 16 + (16 + 1) 625 = 20\,641 \text{ спичка.}$$

ЛЕСТНИЦА

Двадцать пять ступенек. (В каждом пролёте перил — 5 ступенек, пролётов же всего пять).

ИЗ СТАРЫХ ЗАДАЧ

Куплено было: одна тетрадь, тридцать девять карандашей и шестьдесят перьев.

ЗАГАДКИ

1. Тень. 2. Дыры на одежде.
3. Мягким знаком. 4. След.

КАЛЕЙДОСКОП

Труд создал человека.

ЧЕТВЕРТАЯ СЕРИЯ

1. В каком месте на материке земного шара всего раньше начнётся новый, 1958 год?

2. Не сможете ли вы, хотя бы приблизительно, определить: какое время будут показывать часы Ленинграда в тот момент, когда на крайнем Дальнем Востоке СССР только что начнётся 1958 год?

3. Намного ли прибавится день в Ленинграде к новому году (от 22 декабря)?

4. В течение какого промежутка прирост дня в Ленинграде будет больше: за первые 10 суток (от 22 декабря) или за время зимних школьных каникул?

5. В каком крупном городе СССР не только в течение суток 1 января 1958 года, но и до 20 января нельзя увидеть солнца над горизонтом (даже при безоблачной погоде)? Почему?

6. Знаете ли вы, почему всегда оправдывается мудрая народная поговорка: «Солнце на лето, а зима на мороз»?

7. Когда зимой днём обычно теплее: при солнечной погоде или при облачном небе? Почему?

8. Почему после сильных морозов в течение нескольких дней, если начнёт падать снег, наступает обычно потепление?

9. Какой мороз легче переносится: при температуре минус 10° при тихой погоде или при 5° ниже нуля, но при ветре? Почему?

10. До какого числа в декабре 1957 года можно было видеть ракету-носителя первого спутника? Наблюдали ли вы её? Когда — в какие часы суток?

В. И. ПРЯНИШНИКОВ,

Учёный секретарь Ленинградского отделения Всесоюзного астрономическо-геодезического общества при Академии наук СССР.

ОТВЕТЫ НА ТРЕТЬЮ СЕРИЮ

1) Нет! Сама ракета-носитель не излучает своего света и только солнечные лучи отражаются от её значительной поверхности. Днём освещение Солнцем неба и рассеивание этого света частицами воздуха сильнее, чем отражаемый ракетой-носителем свет.

2) Ночью ракета не освещается Солнцем, так как оно заслонено от ракеты Землёю.

3) Луна движется вокруг Земли со средней скоростью 1 км 20 м в секунду, а искусственные спутники примерно в шесть раз быстрее (так как они значительно ближе к Земле и испытывают значительно большее притяжение, что и вызывает увеличение их скорости движения по орбите).

4) Он быстро упал бы на Землю, не став даже на короткое время спутником нашей планеты.

5) При скорости 11 км 200 м в секунду.

6) Луна в 150 раз ближе к Земле, чем Марс, даже когда расстояние этой планеты от Земли наименьшее (во время великих противостояний Марса).

7—9) На искусственных спутниках Земли, так как они в течение одних суток успевают совершить 15 (первый) и 14 (второй) полных оборотов вокруг Земли. Столько же раз в течение каждых суток они закрываются на короткое время Землёй, и в эти промежутки на спутниках происходят солнечные затмения.

10) Потому что для запуска искусственного спутника специальная ракета-носитель (верхняя часть многоступенчатой ракеты) должна развить скорость 8 км в секунду. Для ракеты же, которая может прилететь в самый далёкий пункт земной поверхности от места её запуска, достаточно развить скорость 6—7 км в секунду.

СОДЕРЖАНИЕ

Первый снег. Стихотворение П. Кобракова.....	1
Физика. Однажды на подводной лодке. Рассказы В. Инфантьева	2
Метель. Рассказ в рисунках М. Бекташева	12
Потомки Надежды Дуровой. Л. Маграчёв.....	13
Волшебный художник. Стихотворение А. Поперечного.	21
Идёт Перепуткин в трёхдневный поход. Л. Гаврилов, В. Суслов.....	22
В ночном. Рассказ Е. Курто.....	26
Разговор с телёнком. Я — Человек! Солнечный зай- чик. Стихотворения Б. Кежуна.....	30
Морозко. Загадочная картинка А. Илючека.....	32
Подарок Хоттабыча. А. Орлянский.....	33
Воспламеняющийся характер. А. Пунчёнок.....	38
Сказка о ветрах. Евг. Мин.....	42
Как у Сени ноги поссорились. Стихотворение Г. Тума- ринсона	48
Семь богатырей. Загадочная картинка А. Илючека..	48
Недремлющий лес. Главы из повести И. Туричина..	49
Огонёк. Стихотворение В. Крутецкого.....	59
Клуб смекалистых ребят.....	61
Уголок занимательного мирознания.....	63

На первой странице обложки — рисунок К. Бекташева
«Дед Мороз — художник».

На второй странице обложки — песня «Здравствуй, Новый
год!» композитора В. Витлина на слова С. Погорелов-
ского.

На третьей странице обложки — рассказ в рисунках
Н. Зверева «Богатый улов».

На четвёртой странице обложки — рисунок Ю. Лобачёва
«Первые шаги».

Редактор М. С. ЗЫКОВА

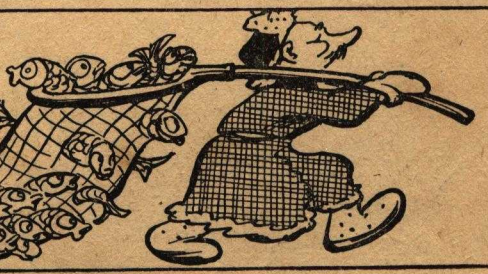
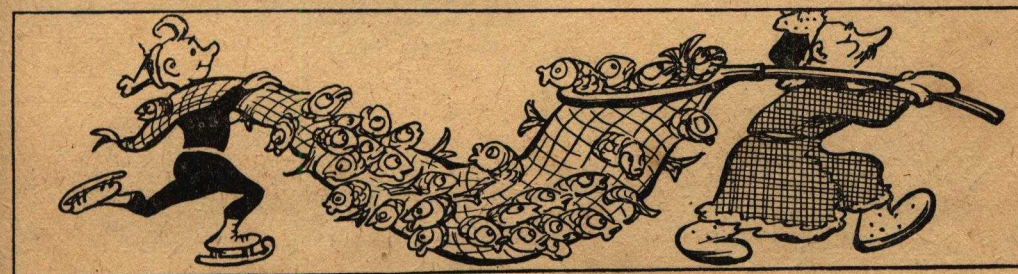
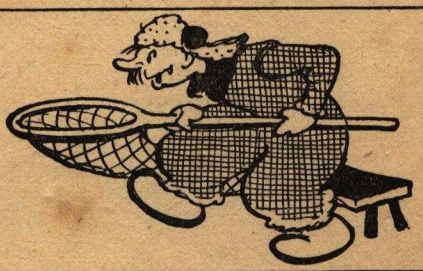
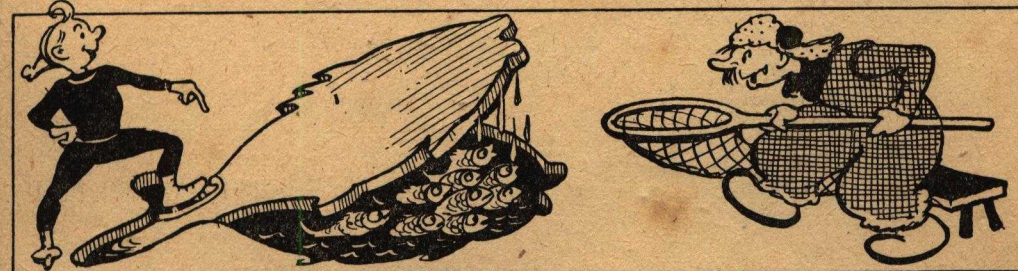
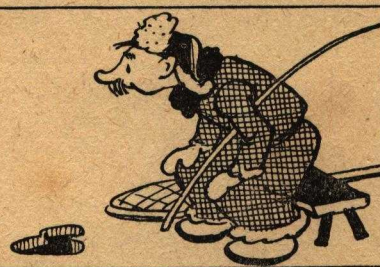
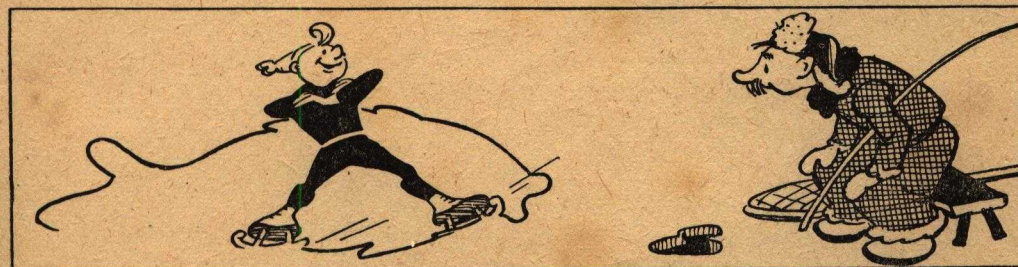
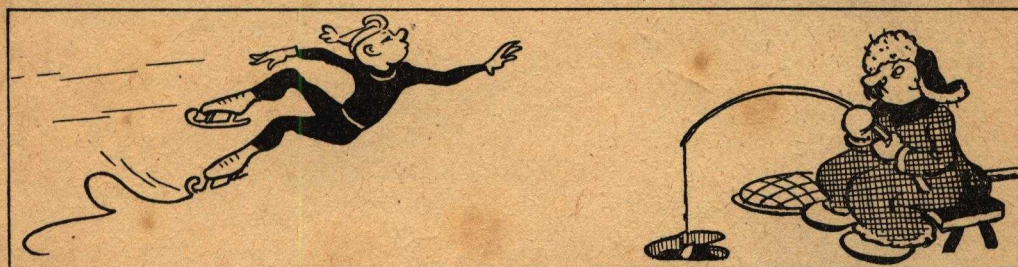
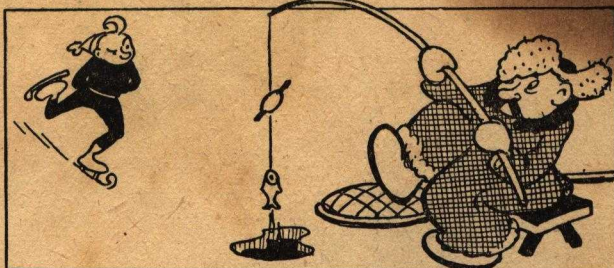
Адрес редакции: Ленинград, Центр.
Фонтанка, 57. Тел. А-4-54-90.

Сдано в набор 30/XI-57 г. Подписано к печати 19/XII-57 г. 4 печ. листа. Учёт.-изд. 5,2.
М-51351. Заказ № 1721. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75 000.

Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

БОГАТЫЙ УЛОВ

(Рассказ в рисунках Н. Зверева)

Беломорск

Цена 1 рубль